

ГАСТОН

ЛЕРУ

*ТАЙНА ЖЕЛТОЙ КОМНАТЫ
ДУХИ ДАМЫ В ЧЕРНОМ*

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я   К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Гастон Леру

**Тайна Желтой комнаты.
Духи Дамы в черном**

«Издательство АСТ»

1907

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

Леру Г.

Тайна Желтой комнаты. Духи Дамы в черном / Г. Леру —
«Издательство АСТ», 1907 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-147875-9

В центре сюжета «Тайны Желтой комнаты» — «невозможное» преступление. В замке Гландье, неподалеку от Парижа, совершено покушение на молодую даму — дочь известного ученого. Жертва чудом осталась в живых, но не может ничего рассказать о преступнике. Как убийца смог проникнуть в комнату, если двери были надежно заперты, а решетка на окне осталась нетронутой? Он словно бы возник из воздуха и в воздухе же растворился. Но у Жозефа Рультабийля есть собственная, отнюдь не мистическая версия случившегося... В сборник также включен второй роман цикла — «Духи Дамы в черном». Оба произведения не раз экранизированы, в том числе мэтром французского кино Марселем Л'Эрбье.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-147875-9

© Леру Г., 1907
© Издательство АСТ, 1907

Содержание

Тайна желтой комнаты	6
Глава 1,	6
Глава 2,	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5,	22
Глава 6	25
Глава 7,	32
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	46
Глава 11,	50
Глава 12	61
Глава 13	64
Глава 14	70
Глава 15	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Гастон Леру
Тайна Желтой комнаты
Духи Дамы в черном

Gaston Leroux
LE MYSTÈRE DE LA CHAMBRE JAUNE
LE PARFUM DE LA DAME EN NOIR

Перевод с французского И. Русецкого
Серия «Эксклюзивная классика»
Серийное оформление А. Фереа, Е. Фереа

© Перевод. И. Русецкий, наследники, 2022
© Издание на русском языке AST Publishers, 2022

* * *

Тайна желтой комнаты

Глава 1, *в которой начинается необъяснимое*

Не без волнения приступаю я к рассказу о необычайных приключениях Жозефа Рультабийля. До сегодняшнего дня он столь категорически возражал против этого, что я уже отчаялся опубликовать когда-либо самую занятную детективную историю из тех, что случились за последние пятнадцать лет. Я думал даже, что публика никогда не узнает всей правды об удивительном деле Желтой комнаты и связанных с ним таинственных, ужасных и сенсационных событиях, в которых мой друг принимал самое непосредственное участие. Однако недавно некая вечерняя газета в связи с награждением прославленного Стейнджерсона Большим крестом Почетного легиона вспомнила в на редкость невежественной, а может быть, просто лживой статье об этой жуткой истории, которую Жозеф Рультабийль, по его словам, хотел бы забыть навсегда.

Желтая комната! Кто теперь помнит об этом деле, заставившем пятнадцать лет назад пролиться столько чернил? В Париже так скоро обо всем забывают! А ведь в свое время буквально весь мир в течение нескольких месяцев недоумевал перед этой загадкой, на мой взгляд, самой необъяснимой в истории нашей полиции и суда. Каждый искал решение столь непостижимой задачи. Над нею ломали голову и старая Европа, и юная Америка. И поистине – я позволю себе так выразиться, поскольку не тешу свое авторское тщеславие, а лишь излагаю факты, которые благодаря предоставленным мне сведениям предстают в совершенно новом свете, – так вот, поистине я не думаю, что в какой-либо области реального или воображаемого, даже у автора «Убийства на улице Морг», даже в измышлениях подражателей Эдгара По или правдивых рассказах Конан Дойла, можно найти что-то, что сравнилось бы по таинственности с историей Желтой комнаты.

Разгадку, которую не мог найти никто, отыскал юный Жозеф Рультабийль, в ту пору восемнадцатилетний начинающий репортер известной газеты. Но, предоставив суду ключ к делу, всей правды он не открыл, рассказав лишь то, что было необходимо для «объяснения необъяснимого» и оправдания невиновного. Сегодня у него уже нет причин что-либо скрывать. Более того, мой друг обязан говорить. Итак, вы узнаете все; а теперь, без лишних предисловий, я обрисую загадку Желтой комнаты в том виде, в каком узнал ее весь мир на следующий день после драмы в замке Гландье.

25 октября 1892 года в вечернем выпуске газеты «Тан» появилось следующее сообщение:

«В замке Гландье, расположенном на опушке леса Сент-Женевьев неподалеку от Эпинь-сюр-Орж и принадлежащем профессору Стейнджерсону, совершено страшное преступление. Сегодня ночью, когда ученый трудился у себя в лаборатории, была сделана попытка убить м-ль Стейнджерсон, которая спала в комнате, примыкающей к лаборатории. По мнению врачей, жизнь м-ль Стейнджерсон в опасности».

Можете себе представить, какое волнение охватило Париж. В то время весь ученый мир с большим интересом следил за работами профессора Стейнджерсона и его дочери. Это были первые работы по рентгенографии, продолжив которые, г-н и г-жа Кюри открыли впоследствии радий. К тому же все тогда находилось в ожидании: профессор Стейнджерсон намеревался прочесть в Академии наук сенсационный доклад, касающийся новой теории распада материи.

Теория эта должна была поколебать основы официальной науки, долгое время провозглашавшей принцип: ничто не исчезает бесследно и не возникает из ниоткуда.

На следующий день утренние газеты уже вовсю трубили о случившемся. В частности, «Матен» опубликовала следующую статью, озаглавленную «Сверхъестественное преступление».

«Сообщаем подробности, – писал неизвестный сотрудник газеты, – которые нам удалось узнать о преступлении в замке Гландье. Отчаяние профессора Стейнджерсона и невозможность получить какие-либо сведения от жертвы сделали расследование столь трудным, что сейчас никто не имеет ни малейшего понятия о том, что же произошло в Желтой комнате, где была найдена м-ль Стейнджерсон: в одной ночной сорочке она лежала на полу и хрипела. Однако нам удалось расспросить папашу Жака – так тут называют старого слугу семейства Стейнджерсонов.

Папаша Жак проник в Желтую комнату одновременно с профессором. Комната эта примыкает к лаборатории. Лаборатория и Желтая комната помещаются в небольшом павильоне, стоящем в глубине парка примерно в трехстах метрах от замка.

– Случилось это в половине первого ночи, – рассказал нам добрый старик. – Я тогда был в лаборатории; господин Стейнджерсон все еще работал. Я прибирался там весь вечер и уже ждал ухода господина Стейнджерсона, чтобы самому пойти спать. Мадемуазель Матильда трудилась с отцом до полуночи; когда на стенных часах пробило полночь, она встала и, поцеловав господина Стейнджерсона, пожелала ему доброй ночи. Мне она тоже сказала: «Спокойной ночи, папаша Жак» – и отворила дверь Желтой комнаты. Потом мы услышали, как она заперла ее на ключ и задвинула засов, – я даже рассмеялся и сказал господину профессору: «Наша барышня закрывается на два запора – не иначе как боится Божьей Коровки!» Но профессор был так занят, что ничего не слышал. И тут снаружи раздалось отвратительное мяуканье. Я сразу узнал голос Божьей Коровки – аж дрожь по телу... «Неужели она и сегодня ночью будет мешать всем спать?» – подумал я. Надо вам сказать, сударь, что до конца октября я живу на чердаке павильона, как раз над Желтой комнатой, чтобы барышня не оставалась по ночам одна. Это она придумала жить в теплое время в павильоне – ей там кажется веселее, чем в замке. Все четыре года, как построили павильон, она каждую весну переезжает туда. А с приходом зимы возвращается в замок, потому что в Желтой комнате нет камина... Ну так вот. Мы с господином Стейнджерсоном были в домике. Оба мы сидели тихо: он у себя за столом, я, закончив дела, присел на стул, смотрел на профессора и думал: «Какой умница! А сколько всего знает!» Я говорю, мы сидели тихо, и поэтому убийца наверняка думал, что мы ушли. И вдруг, как раз когда часы били половину первого, из Желтой комнаты раздался отчаянный крик барышни: «Убивают! Убивают! На помощь!» Тут же гроыхнули выстрелы, загрохотала мебель, словно там шла борьба, и мы опять услышали крик: «Убивают! На помощь! Отец! Отец!»

Мы с господином Стейнджерсоном, ясное дело, вскочили и бросились к двери. Но увы, она была заперта, как я уже говорил, и очень крепко – на ключ и засов. Мы попытались ее высадить, но она не поддавалась. Господин Стейнджерсон словно обезумел, да и было от чего: мы хорошо слышали, как барышня хрипло кричит: «На помощь! На помощь!» Господин Стейнджерсон со страшной силой колотил в дверь, плача от ярости, отчаяния и беспомощности. И тут меня осенило. «Убийца проник через окно!» – воскликнул я и как сумасшедший выскочил из павильона. На беду, окно Желтой комнаты выходит в поле, и стена, что ограждает парк и примыкает к павильону, мешала мне сразу добраться до этого окна. Чтобы попасть к нему, нужно было выйти из парка. Я бросился к воротам и по дороге встретил привратника Бернье с женой, которые спешили к павильону, привлеченные выстрелами и криками. В двух словах я объяснил им, в чем дело, и велел привратнику бежать к господину Стейнджерсону, а его жена тем временем открыла мне ворота парка. Через пять минут мы с ней стояли перед окном

Желтой комнаты. Луна светила ярко, и я хорошо видел, что к нему никто не притрагивался. Решетка не тронута, даже ставни за решеткой закрыты – я сам каждый день под вечер их запираю, хотя барышня знает, что у меня много работы и я устаю, и как-то сказала, что станет закрывать их сама; вот они и были заперты изнутри на железную задвижку. Стало быть, убийца не мог ни влезть в окно, ни выскочить из него, но и я не мог проникнуть в комнату.

Вот несчастье! Было от чего потерять голову. Дверь комнаты заперта изнутри на ключ, ставни единственного окна закрыты, тоже изнутри, а сверху того еще решетка, через которую и руку-то не просунешь... А барышня зовет на помощь! Хотя нет, кричать она тогда уже перестала. Я подумал, может, она уже умерла... Но было слышно, как профессор все еще пробует взломать дверь.

Мы с привратницей повернули назад и возвратились в павильон. Дверь еще держалась, несмотря на яростные удары господина Стейнджерсона и Бернье. Наконец она поддалась, и что же мы увидели? Нужно сказать, что позади нас стояла привратница с яркой лампой, освещавшей всю комнату. Еще, сударь, хочу вам сказать, что Желтая комната совсем невелика. Барышня поставила в ней довольно большую железную кровать, маленький стол, ночной столик, туалет и два стула. И вот при свете большой лампы, которую держала привратница, мы разом окинули взглядом всю комнату. Посредине лежала барышня в ночной сорочке. Перевернутые столы и стулья говорили о том, что она боролась не на жизнь, а на смерть. Барышня была вся в крови, а на шее у нее виднелись жуткие следы ногтей, настоящие раны; из пробитого правого виска сочилась кровь, на полу даже собралась небольшая лужа. Когда господин Стейнджерсон увидел дочь в таком состоянии, он бросился к ней с отчаянным криком – аж сердце сжалось от жалости. Увидев, что несчастная еще дышит, он с той минуты занимался только ею. Мы же принялись искать этого негодяя, который хотел убить нашу хозяйку, и клянусь вам, сударь, попадись он нам, ему пришлось бы туго. Но почему его там не оказалось? Как ему удалось скрыться? Это выше моего понимания. Под кроватью – никого, за столами, стульями – тоже никого! Мы нашли лишь следы, которые он оставил: кровавые отпечатки огромной мужской руки на стене и двери, пропитавшийся кровью большой платок без всяких там инициалов, старый берет да много отпечатков ног на полу. У человека, побывавшего в комнате, была большая нога; подошвы везде оставили следы какой-то черноватой пыли. Как он вошел в комнату? Как скрылся? Не забывайте, сударь, что в Желтой комнате нет камина. Он не мог выскользнуть в дверь – она очень узкая, да к тому же на пороге стояла привратница с лампой, пока мы с привратником обшаривали эту комнатку. Спрятаться там просто негде, и мы, понятное дело, никого не нашли. За взломанной дверью тоже было не укрыться, мы в этом убедились. Через окно с плотно запертыми ставнями и нетронутой решеткой убежать невозможно. Значит, что же? Клянусь вам, сударь, тут мне пришел на ум дьявол.

Но как вы думаете, что мы нашли на полу? Мой револьвер. Да, мой собственный револьвер. Это меня отрезвило. Дьявол не стал бы красть у меня револьвер, чтобы убить барышню. Человек, проникший сюда, поднялся сперва ко мне на чердак, взял из ящика револьвер и воспользовался им для своих гнусных замыслов. Мы проверили барабан и обнаружили, что убийца стрелял дважды. Как бы то ни было, сударь, мне повезло: когда случилось несчастье, господин Стейнджерсон был в лаборатории и собственными глазами видел, что я тоже был там, потому что с этим револьвером мы бог знает до чего бы дошли – я мог угодить за решетку. Полиции ведь немного нужно, чтоб послать человека на плаху».

После интервью шли следующие строки:

«Мы, не вмешиваясь, позволили папаше Жаку рассказать в общих чертах то, что он знает о преступлении в Желтой комнате. Мы сохранили все его выражения и лишь избавили читателей от многочисленных сетований, которыми он уснастил свой рассказ. Но ведь это понятно,

папаша Жак! Понятно, что вы любите своих хозяев! Вам нужно, чтобы об этом знали, и вы все время твердите об этом, особенно с момента обнаружения револьвера. Это ваше право, и мы не видим тут ничего неуместного. Только мы собрались задать папаше Жаку – Жаку Луи Мустье – несколько вопросов, как его позвали к следователю, проводившему допросы в большом зале замка. Проникнуть в Гландье нам не удалось, а дубовая роща, где стоит павильон, была окружена полицейскими, ревностно выискивающими любой след, который вел бы к павильону, а быть может, и к разоблачению убийцы.

Нам также хотелось порасспросить привратников, но их нигде не было видно. В конце концов мы устроились в трактире, неподалеку от ворот замка, чтобы подождать г-на де Марке, следователя из Корбейля. В половине шестого он вышел вместе со своим письмоводителем. Пока он садился в экипаж, нам удалось задать ему следующие вопросы:

– Не могли бы вы, господин де Марке, сообщить нам что-либо по этому делу, разумеется, без ущерба для следствия?

– Сейчас мы не можем ничего сказать, – ответил г-н де Марке. – Впрочем, это дело – самое странное из всех, с какими мне приходилось сталкиваться. Только нам начинает казаться, что мы что-то узнали, как обнаруживается, что мы не знаем ничего.

Мы попросили г-на де Марке пояснить последние слова. Важность его ответа, надеемся, поймет каждый.

– Если к вещественным доказательствам, собранным сегодня прокуратурой, ничего не прибавится, я боюсь, что тайна, окружающая гнусное покушение на мадемуазель Стейнджерсон, останется неразгаданной. Однако следует надеяться, что тщательные измерения толщины стен, потолка и пола Желтой комнаты, измерения, которыми я собираюсь заняться завтра вместе с подрядчиком, строившим четыре года назад этот павильон, дадут нам доказательства того, что нужно всегда уповать на логику вещей. Проблема заключается вот в чем: мы знаем, как убийца проник в комнату – вошел в дверь и спрятался под кровать, ожидая прихода мадемуазель Стейнджерсон. Но как он оттуда вышел? Как ему удалось убежать? Если мы не найдем ни лаза, ни потайной двери или чулана, если, измерив толщину стен и даже разрушив их – и я, и господин Стейнджерсон готовы на все, вплоть до сноса павильона, – если и после всего этого мы не найдем какой-либо проход, пригодный пусть даже не для человека, но для любого живого существа, если в потолке нет никаких незаметных проемов, а под полом – подвала, нам останется лишь поверить в дьявола, как выразился папаша Жак!»

Далее неизвестный сотрудник газеты отмечал в своей статье, которую я выбрал как наиболее интересную из всего опубликованного в тот день, что следователь, похоже, вложил какой-то свой смысл в последнюю фразу: «Тогда нам останется лишь поверить в дьявола, как выразился папаша Жак».

Заканчивалась статья следующим:

«Нам захотелось узнать, что папаша Жак имел в виду под словами «голос Божьей Коровки». Хозяин трактира «Донжон» объяснил, что так здесь называют необычайно зловещие вопли, издаваемые иногда по ночам кошкой, которая принадлежит местной жительнице, старухе по прозвищу Молельщица. Матушка Молельщица – это отшельница, живущая в хижине, в самой гуще леса, неподалеку от грота Святой Женеьевы.

Желтая комната, Божья Коровка, матушка Молельщица, дьявол, святая Женеьева, папаша Жак – вот действующие лица запутанного преступления, которое завтра, надеемся, будет распутано ударом кирки. А пока нам остается лишь верить, что м-ль Стейнджерсон, которая все еще бредит, произнося лишь одно слово: «Убийца», не уйдет этой ночью в мир иной».

Эта же газета в полученном в последний час сообщении объявила, что начальник уголовной полиции вызвал телеграфом из Лондона знаменитого инспектора Фредерика Ларсана, который находился там по делу о краже ценных бумаг.

Глава 2, *в которой впервые появляется Жозеф Рультабийль*

Я помню, словно это произошло лишь вчера, как в то утро юный Рультабийль появился у меня в комнате. Было около восьми часов, и я еще лежал в постели, читая статью «Матен» о преступлении в Гландье.

Однако прежде всего мне хотелось бы представить вам моего друга. Когда я познакомился с Жозефом Рультабийлем, он только начинал как газетный репортер. Я был тогда молодым адвокатом и часто встречал его в коридорах прокуратуры, куда приходил испросить у следователя разрешение встретиться со своими подзащитными в тюрьме Мазас или Сен-Лазар. Рультабийль был симпатичный малый с круглой, как шар, головой, румяный, то веселый, как жаворонок, то серьезный, словно папа римский. Каким образом он, такой молодой – когда я увидел его впервые, ему не было и семнадцати, – ухитряется зарабатывать себе на хлеб журналистикой? Этим вопросом задавался всякий, кто не знал, как он дебютировал. А дело было так: когда на улице Оберкампф обнаружили расчлененный труп женщины, Рультабийль принес главному редактору «Эпок» – газеты, конкурировавшей в ту пору с «Матен», – левую ступню, отсутствовавшую в корзине, где были найдены зловещие останки. Эту ступню, которую полиция безуспешно искала целую неделю, он нашел в сточной канаве, куда никто даже не удосужился заглянуть. Для этого ему пришлось наняться в бригаду водопроводчиков, собранную муниципалитетом Парижа для ликвидации ущерба, который причинил городу необычайно сильный разлив Сены.

Когда главный редактор заполучил драгоценную ступню и понял, благодаря каким остроумным рассуждениям молодому человеку удалось ее отыскать, его охватили два чувства: восхищение проницательностью шестнадцатилетнего мальчишки и ликование по поводу того, что он может выставить на всеобщее обозрение «левую ступню с улицы Оберкампф». «Из этой ступни, – воскликнул он, – я сделаю передовицу!» Потом, отдав зловещий пакет редакционному врачу, он поинтересовался у Рультабийля, сколько тот хочет жалованья, если согласится стать репортером отдела происшествий. «Двести франков в месяц», – скромно ответил молодой человек, едва не задохнувшись от неожиданного предложения. «Получите двести пятьдесят, – возразил редактор, – но если объявите публично, что работаете у нас в редакции уже месяц. Тогда всем станет ясно, что «левую ступню с улицы Оберкампф» нашли не вы, а газета «Эпок». У нас, мой юный друг, личность – ничто, газета – все!»

Вскоре новый сотрудник приобрел много друзей, так как отличался услужливостью и веселым нравом, чем очаровывал самых ворчливых и обезоруживал самых завистливых. В кафе, где собирались репортеры отделов происшествий, прежде чем подняться в прокуратуру или префектуру в поисках новых преступлений, у него начала создаваться репутация сметливого парня, для которого даже двери шефа уголовной полиции не преграда. Если главный редактор поручал Рультабийлю стоящее дело, репортеру не раз случалось утереть нос самым знаменитым инспекторам полиции.

В этом-то кафе у меня и завязалось с ним более тесное знакомство. Адвокаты по уголовным делам и журналисты не враждуют между собой: одним нужна реклама, другим – сведения. Мы разговорились, и я тут же почувствовал глубокую симпатию к этому славному парнишке. У него был чрезвычайно живой и оригинальный ум и весьма своеобразный способ мышления.

Некоторое время спустя я взялся вести судебную хронику в газете «Кри дю бульвар». С моим приходом в журналистику наша дружба с Рультабийлем стала только крепче. Чем больше я его узнавал, тем сильнее любил; под маской веселого сумасбродства он скрывал необычайную для своих лет серьезность. Я уже привык к тому, что обычно он оживлен, порою даже слишком, но мне не раз приходилось видеть его погруженным в глубокую грусть. Я пытался вывести

у него причину такой изменчивости, но он всякий раз только смеялся и ничего не отвечал. Однажды я спросил его о родителях – он никогда о них не рассказывал, – но Рультабийль тут же отошел в сторону, сделав вид, что не расслышал.

Тем временем разразилось шумевшее дело Желтой комнаты, сделавшее его первым не только среди репортеров, но и среди сыщиков всего мира: не следует удивляться сочетанию этих достоинств в одном человеке, поскольку уже тогда ежедневные газеты стали походить на теперешние, то есть на хронику преступлений. Люди мрачные сетуют на это, я же считаю, что нас надо с этим поздравить – ведь чем больше и общество, и частные лица будут бороться с преступниками, тем лучше. Мрачно настроенные люди могут возразить, что, уделяя столько внимания преступлениям, пресса в конечном счете их вызывает. Но на таких ведь никогда не угодишь, верно?

Итак, 26 октября 1892 года Рультабийль оказался у меня в комнате. Он был румянее обычного, широко раскрытые глаза выдавали крайнее возбуждение. Размахивая номером «Матен», он вскричал:

- Ну, дорогой Сенклер, читали?
- О преступлении в Гландье?
- Да, о Желтой комнате! Что вы об этом думаете?
- Думаю, черт побери, что преступление совершил дьявол или Божья Коровка.
- Нет, кроме шуток.

– Знаете, я не очень-то верю в убийц, которые просачиваются сквозь стены. По-моему, папаша Жак совершил ошибку, оставив в комнате орудие преступления, и поскольку он живет над комнатой мадемуазель Стейнджерсон, архитектурная операция, которую собирается провести сегодня следователь, даст ключ к решению этой загадки, и мы вскоре узнаем, через какой лаз или потайную дверь молодчик мог проскользнуть, чтобы тут же вернуться в лабораторию за спиной ничего не подозревавшего господина Стейнджерсона. Что вы на это скажете? Неплохая гипотеза?

Рультабийль уселся в кресло, раскурил трубку, с которой никогда не расставался, и несколько минут молча курил – явно для того, чтобы справиться с возбуждением, – после чего пренебрежительно бросил:

– Молодой человек, вы адвокат, и я ничуть не сомневаюсь в ваших способностях заставить суд оправдать виновного, но если когда-нибудь вы станете следователем, то вы с такой же легкостью сможете заставить суд осудить невинного. Вы поистине талантливый, молодой человек. – Он выпустил несколько клубов дыма и продолжал: – Никакого лаза не найдут, и тайна Желтой комнаты сделается еще таинственнее. Потому-то она меня и интересует. Следователь прав: свет не видывал ничего более странного, чем это преступление.

– У вас есть догадка относительно того, как мог скрыться убийца? – спросил я.

– Нет, – ответил Рультабийль, – пока нет. Но зато у меня есть догадка относительно револьвера. Им воспользовался не убийца.

- Но тогда кто же?
- Ладно, скажу, хотя... Мадемуазель Стейнджерсон.
- Не понимаю. Решительно не понимаю.
- Скажите, в этой статье вас ничто не удивило? – спросил, пожав плечами, Рультабийль.
- Да нет. По-моему, там все одинаково странно.
- Это так, но... А запертая на ключ дверь?
- Самая объяснимая вещь во всей этой истории.
- Вот именно! А засов?
- Засов?
- Да, задвинутый изнутри засов. Мне кажется, мадемуазель Стейнджерсон кого-то опасалась; она приняла меры предосторожности и даже взяла у папаши Жака револьвер без его

ведома. Понятно, она не хотела никого пугать, в особенности отца. Но то, чего мадемуазель Стейнджерсон боялась, все же случилось; она стала защищаться, завязалась борьба, и ей удалось довольно ловко воспользоваться револьвером и ранить убийцу в руку – вот откуда взялись кровавые отпечатки ладони на стене и двери: этот человек на ощупь искал выход, – однако выстрелила она недостаточно быстро, чтобы избежать страшного удара в правый висок.

– Значит, мадемуазель Стейнджерсон ранили не из револьвера?

– В газете об этом ничего нет, но мне кажется логичным, что мадемуазель Стейнджерсон воспользовалась им, защищаясь от убийцы. Но тогда каким оружием воспользовался убийца? Ему не удалось задушить мадемуазель Стейнджерсон, и он решил покончить с нею ударом в висок. Он, должно быть, знал, что на чердаке живет папаша Жак, и, видимо, поэтому решил воспользоваться каким-нибудь «тихим» оружием – дубинкой или, может быть, молотком.

– Но все это не объясняет, каким образом убийца покинул Желтую комнату, – возразил я.

– Разумеется, – ответил, вставая, Рультабийль, – а так как объяснить это надо, я еду в замок Гландье и зашел, чтобы взять вас с собой.

– Меня?

– Да, мой друг, вы мне нужны. «Эпок» поручила это дело мне, и я должен как можно скорее выяснить, что к чему.

– Но чем я-то могу вам помочь?

– Господин Робер Дарзак сейчас в замке.

– Да, верно. Он, должно быть, в страшном отчаянье.

– Мне нужно с ним поговорить, – произнес Рультабийль тоном, который меня удивил.

– Вы полагаете, он сообщит вам что-нибудь интересное?

– Да.

Больше мне не удалось вытянуть из Рультабийля ни слова. Он прошел в гостиную, попросив меня одеться побыстрее.

Я познакомился с Робером Дарзаком, когда помогал ему в одном гражданском процессе, будучи секретарем мэтра Барбе-Делатура. Сорокалетний профессор физики в Сорбонне Робер Дарзак был близко связан с семейством Стейнджерсонов, поскольку после семи лет прилежных ухаживаний решил наконец жениться на мадемуазель Стейнджерсон – уже не юной (ей было лет тридцать пять), но замечательно красивой женщине.

Одеваясь, я крикнул Рультабийлю, с нетерпением дожидавшемуся меня в гостиной:

– У вас уже сложилось мнение об общественном положении убийцы?

– Да, мне кажется, что он если не человек света, то, во всяком случае, занимает в обществе не самое низкое положение. Но это лишь догадки.

– А почему вы так думаете?

– Об этом говорят засаленный берет, простой платок, следы грубых башмаков, – ответил молодой человек.

– Понимаю: такое количество улики оставляют только затем, чтобы создать ощущение их истинности!

– Из вас выйдет толк, дорогой Сенклер, – заключил Рультабийль.

Глава 3

«Он прошел сквозь ставни, как призрак»

Полчаса спустя мы с Рультабийлем стояли на перроне Орлеанского вокзала, дожидаясь отхода поезда на Эпине-сюр-Орж. Прибыла на вокзал и прокуратура Корбейля в составе г-на де Марке и его письмоводителя. Вместе с последним г-н де Марке провел ночь в Париже, чтобы присутствовать в одном из театров на генеральной репетиции пьески, сочиненной им самим и подписанной скромным псевдонимом Castigat Ridendo¹.

С виду г-н де Марке походил на благородного старца. Он всегда был необычайно учтив и галантен и всю свою жизнь питал лишь одну страсть – к драматургии. Служа по судебной части, он интересовался только делами, из которых можно было набрать материала хотя бы на одно действие. Благодаря хорошему происхождению он мог бы достичь в суде более высокого положения, однако вечное стремление к высокому искусству привело его в результате к должности следователя Корбейля да к скабрёзной пьеске, подписанной Castigat Ridendo.

Дело Желтой комнаты, по его мнению, необъяснимое, не могло не соблазнить столь литературный ум. Г-н де Марке заинтересовался им чрезвычайно, но не как судебный чиновник, который жаждет докопаться до истины, а как любитель драматических интриг, все способности которого направлены на то, чтобы запутать их получше и как можно дольше не дать зрителю догадаться, в чем дело.

Поравнявшись с г-ном де Марке, я услышал, как он со вздохом сказал письмоводителю:

– Только бы, дорогой господин Мален, ах, только бы этот подрядчик не разрушил своей киркой такую великолепную тайну!

– Не беспокойтесь, – ответил г-н Мален, – его кирка может разрушить домик, но тайна останется в целости и сохранности. Я простучал стены, осмотрел потолок и пол, так что знаю наверное. Ошибки быть не может, и волноваться нам нет причин: мы не узнаем ничего.

Успокоив таким образом начальника, г-н Мален неприметным движением головы указал ему на нас. Тот нахмурился и, увидев, что Рультабийль снял шляпу и подходит к нему, поспешно вскочил в вагон, бросив вполголоса:

– Главное – никаких журналистов!

– Понятно! – ответил г-н Мален и, пытаясь заслонить собою вход в купе следователя, произнес: – Извините, господа, купе занято.

– Я журналист, сударь, сотрудник «Эпока», – представился мой друг, весьма учтиво поздоровавшись с письмоводителем. – Мне нужно сказать господину де Марке несколько слов.

– Господин де Марке весьма занят расследованием.

– Можете поверить, его расследование мне совершенно безразлично. Я не занимаюсь раздавленными собаками, – заявил молодой человек, выразив при помощи нижней губы бесконечное презрение к рубрике происшествий. – Я театральный хроникер, и поскольку мне нужно будет сделать отчет о сегодняшней премьере...

– Проходите, сударь, прошу вас, – тут же согласился письмоводитель, уступая Рультабийлю дорогу.

Тот переступил порог купе, я зашел следом и сел рядом с ними; г-н Мален поднялся в вагон и закрыл дверцу. Г-н де Марке взглянул на него.

– Ах, сударь, не сердитесь на этого достойного человека за то, что он позволил мне нарушить ваш запрет, – начал Рультабийль. – Я хотел бы иметь честь говорить не с господином

---

¹ Бичующий смехом (*лат.*) – от выражения, которое было девизом итальянской труппы комического актера Доминика в Париже, сочиненным для нее новолатинским поэтом Сантелем (XVII в.); позже – девизом парижского театра «Опера комик».

де Марке, а с господином Castigat Ridendo. Позвольте мне вас поздравить, и как театральный хроникер «Эпок» я... – И Рультабийль представил сначала меня, потом представился сам.

Г-н де Марке беспокойно поглаживал свою остроконечную бородку. В нескольких словах он объяснил Рультабийлю, что как автор слишком скромен и не желает поэтому, чтобы завеса его псевдонима была публично приоткрыта, а также надеется, что восторг журналиста по поводу его сочинения не зайдет столь далеко, чтобы сообщить публике, что господин Castigat Ridendo – не кто иной, как следователь из Корбейля.

– Работа драматурга, – добавил он после секундного колебания, – может повредить работе следователя, особенно в провинции, где люди несколько консервативны...

– Можете положиться на мою скромность! – воскликнул Рультабийль, воздевая руки к небу.

Поезд тронулся.

– Уже едем! – воскликнул следователь, удивленный, что мы отправились в путь вместе с ним.

– Да, сударь, истина пустилась в путь, – любезно улыбнувшись, сказал репортер, – в путь к замку Гландье. Славное дельце, господин де Марке, славное дельце!

– Очень туманное дело! Невероятное, непостижимое, необъяснимое дело. Я боюсь лишь одного, господин Рультабийль, что журналисты станут пытаться его объяснить.

– Да, – ответил мой друг, услышав этот недвусмысленный намек, – этого следует опасаться. Всюду они лезут... Но я, господин следователь, разговариваю с вами по чистой случайности, которая свела нас в одном купе.

– А куда вы едете? – поинтересовался г-н де Марке.

– В замок Гландье, – без запинки ответил Рультабийль.

– Вы не войдете туда, господин Рультабийль! – привскочил г-н де Марке.

– А что, вы против? – ошетинился мой друг, готовый к бою.

– Ну что вы! Я слишком люблю прессу и журналистов, чтобы чинить им препятствия в чем бы то ни было, однако господин Стейнджерсон никого не принимает. Дом хорошо охраняется – вчера ни одному журналисту не удалось проникнуть даже в парк при замке.

– Тем лучше, – обрадовался Рультабийль, – я приеду вовремя.

Г-н де Марке поджал губы и, казалось, был готов замкнуться в упрямом молчании. Однако длилось это недолго: Рультабийль незамедлительно сообщил, что мы едем в Гландье, чтобы позвать руку «старому доброму другу», как выразился он, имея в виду Робера Дарзака, которого видел раз в жизни.

– Бедняга Робер! – продолжал юный репортер. – Бедняга Робер! Должно быть, он близок к смерти – он ведь так любил мадемуазель Стейнджерсон.

– Это правда. Господин Дарзак в таком горе, что на него жалко смотреть, – нехотя прошептал г-н де Марке.

– Но не следует терять надежду, что мадемуазель Стейнджерсон выживет.

– Да, будем надеяться. Вчера ее отец признался мне, что если она скончается, то он тоже проживет недолго. Какая невосполнимая потеря для науки!

– Рана на виске глубока, не так ли?

– Еще бы! Просто невероятно, что она не оказалась смертельной. Удар был чрезвычайно силен.

– Значит, мадемуазель Стейнджерсон ранили не из револьвера, – пробормотал Рультабийль, бросив на меня торжествующий взгляд.

Г-н де Марке очень смутился и, казалось, хотел воскликнуть: «Я ничего не говорил, не хочу ничего говорить и ничего не скажу!» Затем он отвернулся к секретарю, словно не желая нас больше знать. Но сбить Рультабийля с толку было не так-то просто. Он придвинулся к следователю и, показав ему добытый из кармана номер «Матен», спросил:

– У меня есть один вопрос, господин следователь, который, по-моему, не будет бестактным. Вы читали сообщение в «Матен»? Вздор какой-то, не правда ли?

– Вовсе нет, сударь!

– Ну как же! В Желтой комнате только одно окно, решетка на нем цела, дверь пришлось взломать, а убийцы в комнате не оказалось!

– Вот именно, сударь, вот именно! Точно так и обстоит дело.

Рультабийль не ответил и о чем-то задумался. Так прошло с четверть часа. Очнувшись от своих мыслей, он вновь обратился к следователю:

– А какая в тот вечер была у мадемуазель Стейнджерсон прическа?

– Не понимаю, – удивился г-н де Марке.

– Но это же необычайно важно, – настаивал Рультабийль. – Она была причесана на прямой пробор, верно? Я уверен, что в тот драматический вечер она была причесана на прямой пробор!

– Нет, вы ошиблись, господин Рультабийль, – возразил следователь. – В тот вечер волосы у мадемуазель Стейнджерсон были подняты и уложены в узел на затылке. Это ее обычная прическа. Лоб полностью открыт – говорю вам точно, потому что мы долго исследовали рану. На волосах крови не было, а после покушения к ее прическе никто не притрагивался.

– Это точно? Вы уверены, что в ночь покушения мадемуазель Стейнджерсон не была причесана на прямой пробор?

– Совершенно, – ответил, улыбнувшись, следователь, – я даже помню, как врач, осматривая рану, сказал: «Жаль, что мадемуазель Стейнджерсон всегда убирает волосы со лба. Причесывайся она на прямой пробор, волосы на виске смягчили бы удар». Однако же странно, что вы придаете этому такое значение.

– Раз у нее не было прямого пробора, то что же выходит? Хотел бы я знать... – Рультабийль огорченно махнул рукой и спросил: – А рана на виске серьезная?

– О да.

– А каким оружием она нанесена?

– Это, сударь, секрет следствия.

– Вы нашли оружие?

Следователь не ответил.

– А следы на горле?

На этот раз следователь соблаговолил сообщить, что, по мнению врачей, сжимай убийца горло еще несколько секунд, мадемуазель Стейнджерсон была бы задушена.

– Судя по статье в «Матен», – продолжал настаивать Рультабийль, – дело это совершенно необъяснимо. Не могли бы вы сказать, господин следователь, сколько в домике дверей и окон?

– Их пять, – откашлявшись, заявил г-н де Марке, который был уже не в силах сопротивляться своему желанию представить расследуемое им дело во всей его загадочности. – Их пять; дверь в переднюю, единственный вход в павильон, снабжена автоматическим замком. И снаружи, и изнутри он отпирается только ключом. Ключей два – один у папаши Жака, другой у господина Стейнджерсона. Мадемуазель Стейнджерсон ключ не нужен, поскольку в павильоне живет папаша Жак, а все дни она проводит с отцом. Когда случилось несчастье, входная дверь была, как всегда, заперта; один ключ находился в кармане у господина Стейнджерсона, другой – у папаши Жака. Что же касается окон, то их в павильоне четыре: одно в Желтой комнате, два в лаборатории и одно в передней. Окна лаборатории и Желтой комнаты выходят в поле, и только окно передней – в парк.

– Через это-то окно он и выскочил из павильона! – вскричал Рультабийль.

– Как вы узнали? – изумился г-н де Марке, устремив на моего друга пристальный взгляд.

– Как убийца покинул Желтую комнату, увидим позже, – отозвался Рультабийль, – но из павильона он убежал через окно передней, это точно.

– Но все-таки как вы узнали?

– Бог мой, да это же так просто! Раз убийца не мог убежать через дверь, значит, он вылез в окно, а следовательно, в павильоне должно быть хотя бы одно окно без решетки. Окно Желтой комнаты зарешечено, так как выходит в поле; по той же причине должны быть зарешечены и оба окна лаборатории. Но раз убийца все-таки скрылся, я подумал, что одно окно должно быть без решетки и это окно – в передней, потому что оно выходит в парк, то есть на территорию имения. Ничего мудреного тут нет!

– Верно, – согласился г-н де Марке, – но вот чего вы не могли отгадать: на окне передней действительно нет решетки, но зато есть толстые железные ставни. Так вот, эти ставни были заперты изнутри на железную щеколду, и тем не менее у нас есть доказательства, что убийца вылез именно через это окно. Следы крови на стене и ставнях, отпечатки ног на земле, такие же, как в Желтой комнате, – все говорит о том, что убийца скрылся именно этим путем. Но как же так? Как мог он это сделать, если ставни так и остались заперты изнутри? Получается, что он прошел сквозь ставни, как призрак. Но самое непостижимое даже не это. Совершенно невозможно вообразить, как он вышел из Желтой комнаты, как, никем не замеченный, пересек лабораторию, чтобы добраться до передней. Ах, господин Рультабийль, это просто невероятное дело! Ах, какое дело! И надеюсь, разгадка найдется еще не скоро!

– На что вы надеетесь, господин следователь?

– Я не надеюсь, – поправился г-н де Марке, – мне просто так кажется.

– Но окно могли запереть изнутри после бегства убийцы, правда? – спросил Рультабийль.

– Да, возможно, хотя и непонятно. Ведь тогда у него должен быть сообщник или сообщники, а я их не вижу, – проговорил следователь и, помолчав, добавил: – Вот если бы мадемуазель Стейнджерсон сегодня чувствовала себя лучше и ее можно было допросить...

– А чердак? Там ведь должно быть окно? – поинтересовался Рультабийль, следуя течению своих мыслей.

– Да, в самом деле, его я не сосчитал. Наверху есть небольшое окошко, вроде слухового, и так как выходит оно тоже на поле, то, как и остальные, снабжено решеткой. И она была нетронута, а ставни заперты изнутри. К тому же мы не нашли никаких следов, дающих возможность предположить, что убийца прошел через чердак.

– Стало быть, вы, господин следователь, не сомневаетесь, что убийца скрылся, хотя и неизвестно как, через окно в передней?

– Всё подтверждает это.

– Я тоже так полагаю, – важно согласился Рультабийль и, с минуту помолчав, добавил: – Коль скоро вы не нашли на чердаке никаких следов убийцы, к примеру, отпечатков обуви, какие были обнаружены на полу Желтой комнаты, то, наверное, были вынуждены признать, что не он украл у папаши Жака револьвер.

– На чердаке есть только следы папаши Жака, – признал следователь, значительно кивнув головой, после чего решил закончить мысль: – А папаша Жак был с господином Стейнджерсоном. Ему повезло.

– Какова же тогда роль револьвера папаши Жака в этой драме? Ведь, по-видимому, уже всем ясно, что мадемуазель Стейнджерсон ранила из него убийцу, а не он ее.

Оставив без ответа этот явно смутивший его вопрос, г-н де Марке сообщил, что в Желтой комнате найдены две пули – одна в стене, на которой был кровавый отпечаток руки, другая – в потолке.

– Ах, в потолке! – пробормотал Рультабийль. – Вот как? В потолке. Любопытно! В потолке. – Он умолк и запыхтел трубкой.

Когда мы прибыли в Эпине-сюр-Орж, я похлопал его по плечу, чтобы он спустился с небес на землю, точнее, на перрон. Следователь и письмоводитель распрощались с нами, дав

понять, что достаточно уже насладились нашим обществом, после чего поспешно сели в ожидавший их экипаж.

– Сколько отсюда ходу до Гландье? – спросил Рультабийль у какого-то железнодорожника.

– Часа полтора – час и три четверти, если идти не торопясь, – ответил тот.

Рультабийль посмотрел на небо и нашел, что оно устраивает его, а также, видимо, меня, поскольку он взял меня под руку и сообщил:

– Пошли! Мне нужно пройтись.

– Ну и как? Что-нибудь проясняется? – спросил я.

– Напротив, все еще больше запуталось. Но у меня есть одна догадка.

– Поделитесь!

– Нет, сейчас я ничего не могу вам сказать. От моей догадки зависит жизнь по крайней мере двух человек.

– Вы считаете, что у убийцы были сообщники?

– Нет, не считаю... – Мы немного помолчали, потом он заговорил снова: – Нам повезло, что мы встретили следователя с письмоводителем. Ну? Что я вам говорил насчет револьвера?

Он шел, засунув руки в карманы, глядя в землю и насвистывая. Через некоторое время я услышал, как он пробормотал:

– Бедняжка!

– Это вы о мадемуазель Стейнджерсон?

– Да, она женщина редкого благородства и заслуживает всяческого сочувствия. У нее очень сильный характер... Я думаю, думаю...

– Так вы знакомы с мадемуазель Стейнджерсон?

– Вовсе нет. Я и видел-то ее всего раз в жизни.

– Так почему же вы говорите, что у нее сильный характер?

– Да потому что она сопротивлялась, потому что смело отбивалась от убийцы, а главное – из-за пули в потолке.

Я взглянул на Рультабийля, спрашивая себя *in petto*, не потешается ли он надо мной, а то и не спятил ли, чего доброго. Но мне сразу же стало ясно, что молодой человек отнюдь не расположен шутить, а в его кругленьких глазках светился такой ум, что я успокоился и насчет его рассудка. И потом, я привык к его бессвязным замечаниям – для меня бессвязным и таинственным до тех пор, пока он в нескольких коротких и точных фразах не объяснял ход своих мыслей. И тогда все сразу вставало на свои места: лишённые для меня смысла слова легко связывались в логическое целое, и оставалось лишь удивляться, как я не понял всего этого раньше.

Глава 4

На лоне природы

Замок Гландье – один из самых древних в Иль-де-Франсе², области, столь богатой руинами феодальной эпохи. Построенный при Филиппе Красивом, он стоит в нескольких сотнях метров от дороги, связывающей деревушку Сент-Женевьев-де-Буа с Монлери. Над группой составляющих его разномастных строений величаво возвышается донжон³. Когда посетитель, одолев его расшатанные ступени, выберется на небольшую площадку, над которой в XVII веке Жорже Филибер де Секиньи, владетель Гландье, Мезон-Нев и других угодий, надстроил безвкусную башенку в стиле рококо, в трех лье от себя он увидит господствующую над окрестными равнинами и долинами величественную башню Монлери. Долгие века смотрят друг на друга донжон и башня и над зеленеющими рощами да зарослями сухостоя вспоминают древние французские легенды. Говорят, что донжон замка Гландье охраняет тень героини и святой, доброй покровительницы Парижа, перед которой отступил сам Аттила. Святая Женеви́ева спит вечным сном неподалеку от древних стен замка. Летом влюбленные, решив позавтракать на травке, приходят, небрежно помахивая корзинами с едой, чтобы помечтать или обменяться клятвами у ее могилы, любовно убранной незабудками. Невдалеке от могилы есть источник с чудотворной, по словам многих, водой. Благодарные матери поставили здесь статую святой Женеви́евы, к ногам которой привязывают крохотные башмачки и чепчики детей, спасенных посредством воды из святого источника.

Вот здесь-то, в месте, которое, казалось бы, целиком принадлежит прошлому, и обосновались профессор Стейнджерсон с дочерью, чтобы заниматься наукой будущего. Им сразу же понравилось, что уголок скрыт в глубине леса от глаз людских. Свидетелями их трудов и надежд были здесь лишь старые камни да огромные дубы. Эти сегодня столь печально прославившиеся места благодаря небрежению или даже забвению хозяев вновь стали кусочком живой природы; одни лишь тамошние здания сохранили следы странных превращений. Каждый век оставил на них свой отпечаток, они хранили воспоминания о страшных происшествиях и яростных схватках; замок этот, где нашла прибежище наука, казалось, был нарочно создан служить сценой для мистерии ужаса и смерти.

Здесь я не могу не высказать вот какое соображение. Я немного задержался на печальной картине замка Гландье вовсе не потому, что мне представился случай создать атмосферу, необходимую для драмы, которая будет разворачиваться перед глазами у читателя; напротив, единственное мое желание – описывать события насколько возможно проще. Я вовсе не претендую на роль автора. Когда говорят «автор», всегда подразумевают «романист», но, слава богу, в тайне Желтой комнаты столько трагического и ужасного, что можно обойтись без литературы. Я лишь излагаю факты и ни к чему другому не стремлюсь. Мне нужно рассказать вам о событиях, и я просто помещаю их в соответствующую обстановку – вот и все. Должны же вы знать, где это все происходит.

Но вернемся к г-ну Стейнджерсону. Когда он купил поместье – лет пятнадцать назад, – в Гландье уже давно никто не жил. Другой старый замок, находящийся неподалеку и построенный в XIV веке Жаном Бельмоном, тоже давно пустовал, так что вся округа стала почти необитаемой. Несколько домиков вдоль дороги, ведущей в Корбейль, да трактир «Донжон», дававший краткий приют проезжим людям, – вот, собственно, все приметы цивилизации в этих заброшенных местах, какие едва ли ожидаешь встретить в нескольких лье от столицы. Но сугубая уединенность и явилась решающим обстоятельством, повлиявшим на выбор г-на Стейн-

---

² Область между Парижем и Орлеаном, историческое ядро Франции.

³ Главная башня замка.

джерсона и его дочери. Г-н Стейнджерсон был тогда уже знаменит; он вернулся из Америки, где его работы наделали немало шума: опубликованная им в Филадельфии книга «Распад материи под воздействием электричества» вызвала протест всего ученого мира. Г-н Стейнджерсон был французом американского происхождения. Из-за важных дел по получению наследства ему пришлось несколько лет прожить в Соединенных Штатах. Там он продолжил начатую во Франции работу, куда и вернулся, чтобы ее закончить, предварительно обратив в деньги громадное наследство: все его судебные дела благополучно завершились – одни по решению суда, другие полюбовно. Неожиданное наследство оказалось как нельзя кстати. Г-н Стейнджерсон, если бы только захотел, мог заработать миллионы долларов на нескольких своих изобретениях, связанных с новыми химическими способами окраски, но ему претило использовать в личных целях свой великолепный дар; он не считал, что его гений принадлежит только ему. Все, что рождал его талант, профессор из филантропических побуждений отдавал людям. Он и не пытался скрыть удовлетворение, вызванное неожиданным наследством, так как мог теперь до конца дней заниматься чистой наукой; однако с таким же успехом он способен был радоваться и по другому поводу. Когда г-н Стейнджерсон вернулся из Америки и купил Гландье, его дочери было двадцать лет. Она была необычайно хороша собой, соединив в себе парижское изящество матери, умершей при ее рождении, со здоровой молодой американской кровью деда, Уильяма Стейнджерсона. Этот уроженец Филадельфии принял французское гражданство по требованию семьи своей невесты-француженки, будущей матери прославленного профессора.

Прелестная двадцатилетняя блондинка с голубыми глазами и молочно-белой кожей, здоровая и сияющая, Матильда Стейнджерсон считалась одной из самых красивых невест как старого, так и нового континента. Отец, несмотря на неизбежную разлуку, считал своим долгом подумывать о ее браке и поэтому ничуть не расстроился, получив для дочери приданое. Как бы там ни было, они с дочерью стали вести в замке жизнь затворников, хотя друзья его ожидали, что отец станет вывозить ее в свет. Некоторые, навестив их, объявляли, что дочь восхитительна. На все вопросы профессор отвечал: «Таково желание дочери. Я ни в чем не могу ей отказать. Она предпочитает Гландье». Когда же спрашивали ее, девушка безмятежно говорила: «Нигде мы не сможем работать так хорошо, как в этом уединении». М-ль Матильда Стейнджерсон уже тогда помогала отцу, но никто и предположить не мог, что ее страсть к науке дойдет до того, что в течение пятнадцати лет она будет отвергать все предлагаемые ей партии. Отец с дочерью вели жизнь отшельников, однако каждый год показывались на нескольких официальных приемах в салонах у своих друзей, где благодаря славе профессора и красоте Матильды производили сенсацию. Поначалу крайняя холодность девушки не обескураживала ее поклонников, но по прошествии нескольких лет они отступились. Остался лишь один, своим неясным упорством заслуживший прозвище «вечного жениха», с которым не без грусти смирился: это был Робер Дарзак. Теперь м-ль Стейнджерсон не была уже юной, и казалось, что если до тридцати пяти лет она не нашла причин, чтобы выйти замуж, то и не найдет их никогда. Но довод этот, очевидно, не казался Роберу Дарзаку убедительным, поскольку он не прекращал ухаживаний, если только можно так назвать деликатную и трогательную заботу, которую он постоянно окружал засидевшуюся в девицах тридцатипятилетнюю женщину, к тому же решившую никогда не связывать себя узами брака.

И вот за несколько недель до описываемых событий по Парижу пополз слух, которому поначалу даже не придали значения, настолько он был невероятен: м-ль Стейнджерсон согласилась вознаградить неугасимый пыл Робера Дарзака. Поскольку сам Дарзак никак не опровергал эти матримониальные пересуды, стало ясно, что в этом невероятном слухе, может быть, и есть доля правды. Наконец однажды, выходя из Академии наук, профессор Стейнджерсон объявил, что бракосочетание его дочери с г-ном Робером Дарзаком будет отпраздновано в интимном кругу в замке Гландье тотчас после того, как они с дочерью завершат работу над докладом – итогом всех их исследований по распаду материи, то есть по превращению материи

в эфир. Молодые супруги обоснуются в Гландье, и зять профессора примет участие в трудах, которым отец с дочерью посвятили свою жизнь.

Не успел ученый мир прийти в себя после этой новости, как все узнали о покушении на м-ль Стейнджерсон, совершенном при описанных уже невероятных обстоятельствах, уточнить которые мы и намеревались в замке.

Все эти подробности я знал из деловых бесед с Робером Дарзаком; теперь я сообщил их читателю, чтобы он, пересекая порог Желтой комнаты, был осведомлен не хуже, чем я.

Глава 5, *в которой Рультабийль обращается к Роберу Дарзаку с фразой, возымевшей нужное действие*

Несколько минут мы с Рультабийлем шли вдоль стены, ограждавшей обширные владения г-на Стейнджерсона, и уже увидели ворота, как вдруг внимание наше привлек некий субъект: склонясь над землей, он был настолько поглощен своим занятием, что даже не заметил нас. Он низко нагнулся, чуть не ложась на землю, затем выпрямился и стал внимательно разглядывать стену; потом, бросив взгляд на правую ладонь, широко зашагал, а затем, повторив тот же маневр, пустился бежать. Рультабийль остановил меня движением руки:

– Тсс! Фредерик Ларсан за работой! Не будем ему мешать.

К знаменитому сыщику Рультабийль относился с восхищением. Я Фредерика Ларсана никогда не встречал, но много знал о нем понаслышке.

Разгадка истории с похищенными с монетного двора золотыми слитками, найденная им, когда у всех уже опустились руки, а также арест грабителей, взломавших сейфы «Креди юниверсель», сделали его имя чуть ли не всенародно известным. Пока Рультабийль еще не обнаружил своего необычайного таланта, Ларсан слыл за человека, способного распутать клубок любого самого таинственного и необъяснимого преступления. Слухи о нем разошлись по всему свету, и нередко полиция Лондона, Берлина и даже Америки звала его на помощь, когда местные полицейские заходили в тупик. Поэтому никто не удивился, когда в самом начале дела Желтой комнаты начальник уголовной полиции телеграфировал в Лондон своему неоценимому сотруднику, куда тот был командирован по поводу крупной кражи ценных бумаг, чтобы он немедленно возвращался. Фредерик, прозванный в полиции Большим Фредом, по всей вероятности, поспешил, зная из опыта, что уж если его беспокоят, стало быть, в нем возникла острая нужда; потому-то мы и застали его в то утро за работой. Вскоре мы поняли, в чем она заключалась.

В правой руке он держал не что иное, как часы, и, беспрестанно с ними сверяясь, вычислял какой-то срок. Он вернулся назад, снова проделал путь до ворот парка, взглянул на часы, положил их в карман и, обескураженно пожав плечами, толкнул ворота и вошел в парк. Заперев ворота, он поднял голову и увидал за воротами нас. Рультабийль подбежал к решетке, я за ним. Фредерик Ларсан ждал.

– Господин Фред, – сняв шляпу, почтительно обратился молодой репортер к знаменитому полицейскому, – не скажете ли, господин Робер Дарзак сейчас в замке? Со мною адвокат из Парижа, его друг, который желал бы с ним поговорить.

– Не знаю, господин Рультабийль, я его не видел, – ответил Фред, пожимая руку моему другу, которого он неоднократно встречал во время наиболее сложных расследований.

– По-видимому, мы можем осведомиться у привратников? – поинтересовался Рультабийль, указывая на небольшое кирпичное строение; окна и двери этого жилья верных стражей профессорской собственности были закрыты.

– Нет, не можете, господин Рультабийль.

– Это почему же?

– Потому что полчаса назад их арестовали.

– Арестовали? – воскликнул Рультабийль. – Значит, они убийцы?

– Когда нельзя арестовать убийцу, всегда можно доставить себе удовольствие и обнаружить сообщников, – пожав плечами, весьма язвительно ответил Фредерик Ларсан.

– Это вы их арестовали, господин Фред?

– Еще чего! Я не арестовывал их, во-первых, потому, что почти уверен, что они не имеют к делу никакого отношения, а потом...

– Что – потом? – с тревогой спросил Рультабийль.

– Потом... Да нет, ничего, – покачал головой Ларсан.

– Никаких сообщников не было! – выдохнул репортер.

Фредерик Ларсан запнулся и с интересом посмотрел на Руль-табийля.

– Ах, значит, у вас уже сложилось мнение по поводу этого дела? Но вы же ничего не видели, молодой человек. Вы даже еще сюда не вошли.

– Войду.

– Сомневаюсь. Запрет вполне категоричен.

– Войду, если вы поможете мне повидаться с Робером Дарзаком. Сделайте это для меня. Мы с ним старые друзья – вы же знаете. Господин Фред, ну прошу вас! Вспомните, какую статью я написал о вас в связи с золотыми слитками. Шепните словечко господину Дарзаку, а?

Смотреть в эти секунды на лицо Рультабийля было очень забавно. Оно выражало такое жгучее желание переступить порог, за которым происходило нечто необыкновенное и таинственное, такая красноречивая мольба читалась во всех его чертах, что я не выдержал и рассмеялся. Улыбнулся и Фредерик Ларсан. Пока он, стоя за решеткой, прятал ключи в карман, я сумел его рассмотреть.

Ему было лет пятьдесят. Красивая голова с седеющими волосами, неяркий цвет лица, жесткий профиль, выпуклый лоб, тонко очерченные губы; щеки и подбородок были тщательно выбриты, небольшие круглые глаза пристально смотрели на собеседника, вызывая испуг и тревогу. Среднего роста, стройный, он был изящен, привлекателен и не походил на заурядного полицейского. В своем деле Ларсан достиг большого мастерства и знал об этом; чувствовалось, что ценит он себя достаточно высоко. Разговаривал он скептическим тоном человека, лишённого иллюзий. В силу своей необычной профессии он встречал столько преступлений, столько гнусностей, что было удивительно, как ему удалось, по выражению Рультабийля, сохранить «остроту чувств».

Послышался шум экипажа, и Ларсан обернулся. Мы узнали одноколку, на которой следователь и письмоводитель уехали с вокзала в Эпине.

– Послушайте-ка! – воскликнул Ларсан. – Вы хотели поговорить с господином Дарзаком? Пожалуйста!

К воротам подъехал в одноколке Робер Дарзак и попросил Ларсана поскорее отпереть выход из парка, так как он опаздывает на ближайший поезд в Париж. Тут он заметил меня. Пока Ларсан отворял ворота, г-н Дарзак поинтересовался, что привело меня в Гландье в столь трагический момент. Я обратил внимание, что он чудовищно бледен, а лицо его искажено бесконечным страданием.

– Мадемуазель Стейнджерсон не лучше? – тотчас же спросил я.

– Лучше, – откликнулся он. – Быть может, ее спасут. Должны спасти.

Он не добавил: «или я умру», но чувствовалось, что слова эти готовы сорваться с его бескровных губ.

– Вы спешите, сударь, – вступил в разговор Рультабийль. – Но я должен с вами поговорить. Мне нужно сообщить вам нечто чрезвычайно важное.

– Я могу уйти? – прервал его Ларсан, обращаясь к Роберу Дарзаку. – У вас есть ключ или отдать вам этот?

– Спасибо, есть. Ворота я запру сам.

Ларсан быстро направился в сторону замка, громада которого высилась в нескольких сотнях метров от нас.

Робер Дарзак, нахмурившись, выказывал признаки нетерпения. Я представил Рультабийля как своего доброго друга, но, узнав, что он журналист, Дарзак взглянул на меня с упре-

ком, извинился и, объяснив, что через двадцать минут ему нужно быть на вокзале в Эпине, стегнул лошадь. Однако, к моему удивлению, Рультабийль схватил лошадь под уздцы, сильной рукой остановив маленький экипаж, и произнес фразу, лишённую, на мой взгляд, всякого смысла:

– Дом священника все так же очарователен, а сад все так же свеж.

Не успел он это сказать, как я увидел, что Робер Дарзак заколебался; затем, побледнев еще сильнее, он с ужасом уставился на молодого человека и в неопишемом смятении тотчас выскочил из экипажа.

– Пойдемте, пойдемте, – запинаясь проговорил он и вдруг повторил с какой-то яростью: – Да пойдемте же, сударь!

После этого, не говоря более ни слова, он повернул одноколку к замку; Рультабийль шел рядом, все еще держа лошадь под уздцы. Я обратился к Дарзаку, но он не ответил. Я вопросительно посмотрел на Рультабийля, однако и он не замечал меня.

Глава 6

В Дубовой роще

Мы подошли к замку. Древний донжон связывал старую часть замка, полностью перестроенную при Людовике XIV, с новым зданием в стиле Виолле-ле-Дюка⁴, где находился главный вход. Никогда еще мне не приходилось видеть столь оригинальной, уродливой и, главное, столь странной архитектуры, как это причудливое сочетание разных стилей. Замок был ужасен и вместе с тем привлекателен. Подойдя поближе, мы увидели двух жандармов, прогуливавшихся перед маленькой дверцей, которая вела в первый этаж донжона. Нам стало ясно, что в этом помещении, служившем некогда темницей, а теперь просто кладовкой, заперты привратники, супруги Бернье.

Через широкие двери с козырьком Робер Дарзак провел нас в новую часть замка. Рультабийль, оставивший одноколку на попечение слуги, не спускал с Дарзака глаз; проследив за его взглядом, я увидел, что он прикован к рукам профессора Сорбонны, на которых были надеты перчатки. Когда мы вошли в небольшую гостиную, уставленную старинной мебелью, г-н Дарзак повернулся к Рультабийлю и довольно резко спросил:

– Что вам угодно? Я вас слушаю.

– Мне угодно пожать вам руку! – не менее резко ответил репортер.

– Что это значит? – попятился Дарзак.

Очевидно, он понял то же, что и я: мой друг подозревал его в совершении страшной попытки убийства. Ему показалось, что кровавый отпечаток руки в Желтой комнате... Я увидел, что этот человек с высокомерным выражением лица и обычно пронзительным взглядом как-то странно растерялся. Он протянул правую руку, указывая на меня:

– Вы друг господина Сенклера, который неожиданно очень помог мне когда-то в одном деле, поэтому, сударь, я не вижу причин отказываться пожать вам руку.

Рультабийль не взял протянутой руки, а с невероятной наглостью принялся врать:

– Сударь, я провел несколько лет в России и привык там не пожимать руку в перчатке.

Я думал, что профессор Сорбонны на этот раз даст волю собиравшемуся в нем гневу, однако тот с видимым усилием совладал с собой, снял перчатки и показал руки. Никаких шрамов на них не было.

– Теперь вы удовлетворены?

– Нет! – ответил Рультабийль. – Дорогой мой, – обратился он ко мне, – я вынужден просить вас оставить нас ненадолго одних.

Я откланялся и ушел, пораженный тем, что только что увидел и услышал, и не понимая, почему Робер Дарзак не выбросил за дверь моего бесцеремонного, несправедливого и глупого друга. Я был зол на Рультабийля за его подозрения и неслыханную сцену с перчатками.

Минут двадцать я прогуливался перед замком, безуспешно пытаюсь связать между собой события этого утра. Что пришло в голову Рультабийлю? Неужели он считает, что Дарзак – убийца? Как он может думать, что человек, который через несколько дней должен был жениться на м-ль Стейнджерсон, пробрался в Желтую комнату, чтобы убить свою невесту? К тому же я так и не узнал, каким образом убийца покинул Желтую комнату; я полагал, что, пока эта неразрешимая загадка не будет объяснена, никто не должен никого подозревать. И что означает эта бессмысленная фраза, накрепко врезавшаяся мне в память: «Дом священника все так же очарователен, а сад все так же свеж»? Мне хотелось поскорее остаться наедине с Рультабийлем, чтобы задать ему этот вопрос.

---

⁴ Французский архитектор, историк и писатель, реставратор замков (1814–1879).

Наконец молодой человек и Робер Дарзак вышли из замка. К своему удивлению, я сразу заметил, что они прекрасно между собою ладили.

– Мы идем в Желтую комнату, – сказал Рультабийль, – пойдете с нами. Да, вы же знаете, я пригласил вас на целый день, так что позавтракаем где-нибудь поблизости.

– Вы позавтракаете здесь, со мной, господа.

– Нет, благодарю, – отозвался молодой человек. – Мы позавтракаем в трактире «Донжон».

– Вам не понравится там. У них вы ничего не найдете.

– Вы так думаете? А я надеюсь найти там кое-что, – ответил Рультабийль и повернулся ко мне: – После завтрака мы еще поработаем: я напишу статью, и, надеюсь, вы будете настолько добры, что отвезете ее в редакцию.

– А вы? Разве вы не вернетесь со мной?

– Нет, я переночую здесь.

Я посмотрел на Рультабийля. Он говорил совершенно серьезно, а Робер Дарзак не выказывал никаких признаков удивления.

Проходя мимо донжона, мы услышали доносящиеся из него вздохи и сетования.

– Почему арестовали этих людей?

– Тут есть доля и моей вины, – проговорил Дарзак. – Вчера я заметил следователю, что слышать револьверные выстрелы, одеться и пробежать довольно большое расстояние от их жилища до павильона, и все это за две минуты, – дело невероятное, а ведь между револьверными выстрелами и встречей привратников с папашей Жаком прошло не более двух минут.

– Да, что-то здесь нечисто, – признался Рультабийль. – А они были одеты?

– Это-то и невероятно – одеты целиком и полностью, причем тепло. У нее на ногах были сабо, у него – зашнурованные башмаки. Они утверждают, что легли спать как обычно – в девять. Сегодня утром следователь привез с собой из Парижа револьвер – такой же, каким было совершено преступление (он не хотел трогать вещественное доказательство), и письмоводитель дважды выстрелил из него в Желтой комнате при закрытом окне и двери. Мы со следователем были в привратничкой и ничего не услышали, да и невозможно было слышать. Привратники лгут, в этом нет сомнения. Они не спали и находились неподалеку от павильона, чего-то ожидая. Конечно, в совершении покушения их не обвиняют, но то, что они сообщники, вполне возможно. Вот господин де Марке и велел их арестовать.

– Если бы они были сообщниками, то пришли бы полуодетыми, а скорее всего, не пришли бы вовсе, – заметил Рультабийль. – Спешить в объятия правосудия, да еще с такими уликами? Нет, на сообщников они не похожи. Я вообще не верю, что в этом деле у преступника есть сообщники.

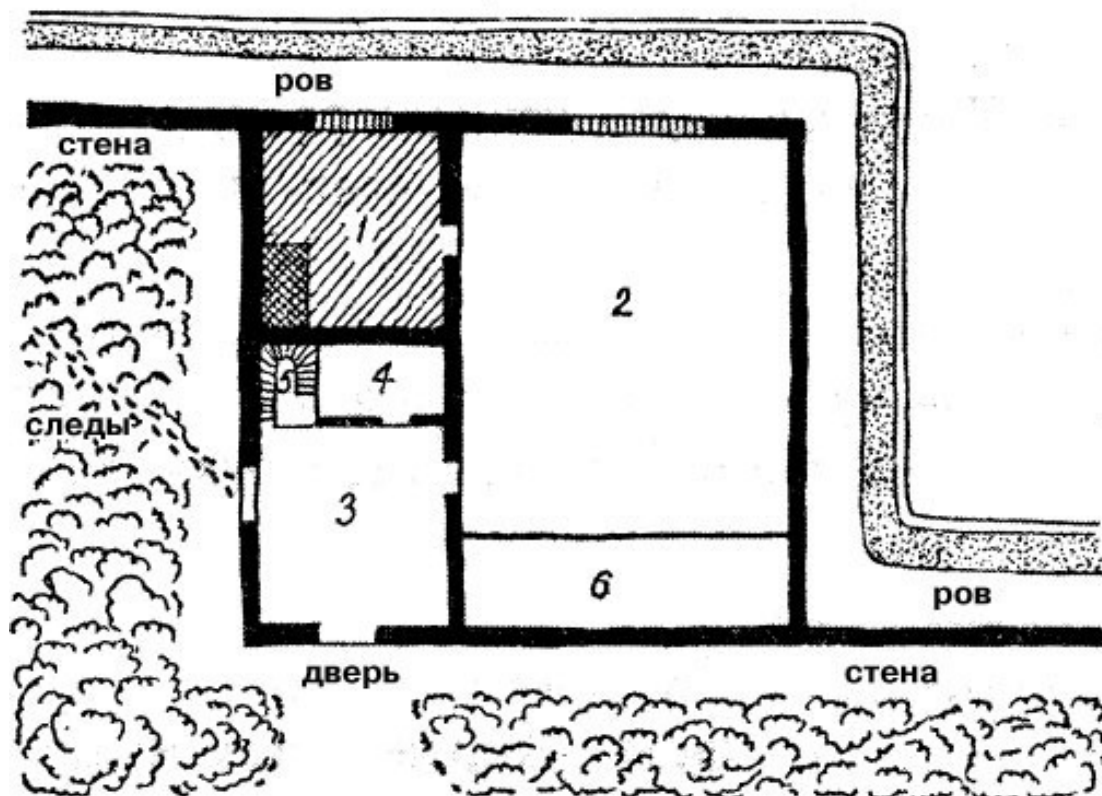
– Тогда почему же в полночь они оказались не дома? Пусть объяснят.

– У них, бесспорно, есть причины молчать. Знать бы только какие. Но даже если они не сообщники, это может быть важно. Важно все, что происходит в такую ночь.

Мы прошли по мосту через Дув и оказались в той части парка, которая называлась Дубовая роща. Здесь росли столетние дубы. Осень уже сморщила их желтые листья; черные кривые ветви напоминали жуткие волосы, сплетение чудовищных змей, которых античный скульптор изобразил на голове Медузы. Место это, где летом жила м-ль Стейнджерсон, находившая его веселым, нам показалось мрачным и унылым. Черная почва с полусгнившими листьями из-за недавних дождей превратилась в грязь, стволы деревьев тоже были черны, и даже небо, по которому мчались большие тяжелые тучи, выглядело траурным. Вот в этом-то угрюмом уединенном месте мы увидели белые стены павильона. Здание без окон (нам их не было видно) и с единственной дверью производило странное впечатление: гробница или огромный мавзолей в глуши заброшенного леса. Когда мы приблизились к павильону, нам стало ясно, как он расположен: все его окна выходили на другую сторону – в поле. Единственная маленькая дверь

выходила в парк; это было идеальное убежище, где г-н и м-ль Стейнджерсон жили наедине со своими трудами и мечтаниями.

Я привожу здесь план первого этажа павильона; туда ведут несколько ступенек; чердак в данном случае нас не интересует. Нарисовал этот план Рультабийль, а мне лишь остается подтвердить, что в нем не пропущена ни одна линия, ни одна деталь, способная помочь в решении загадки, которая встала перед правосудием. Имея в своем распоряжении этот план и легенду к нему, читатель будет знать столько же, сколько знал Рультабийль, когда впервые зашел в павильон и когда все задавались одним вопросом: «Каким образом преступник мог скрыться из Желтой комнаты?»

План павильона:

1. Желтая комната с единственным зарешеченным окном и единственной дверью, выходящей в лабораторию.
2. Лаборатория с большими зарешеченными окнами и двумя дверями: в переднюю и в Желтую комнату.
3. Передняя с окном без решетки и входной дверью, ведущей в парк.
4. Туалет.
5. Лестница на чердак.
6. Большой камин, служащий для лабораторных опытов.

Перед ступеньками, ведущими в павильон, Рультабийль остановился и внезапно спросил у Дарзака:

– А мотив преступления?

– У меня, сударь, на этот счет нет никаких соображений, – печально ответил жених м-ль Стейнджерсон. – Следы пальцев, глубокие царапины на груди и шее мадемуазель Стейнджерсон свидетельствуют о том, что негодяй проник сюда и попытался ее убить. Судебные медики, изучившие вчера следы, утверждают, что оставила их та же рука, что сделала кровавый отпе-

чаток на стене, – громадная рука, сударь, которая никак не влезет в мою перчатку, – добавил он с горькой, едва заметной улыбкой.

– А кровавый отпечаток, – прервал я, – не могла оставить мадемуазель Стейнджерсон? Что, если она, защищаясь, скользнула окровавленной рукой по стене и оставила увеличенный отпечаток?

– У мадемуазель Стейнджерсон не было на руках ни капли крови, – возразил Робер Дарзак.

– Стало быть, теперь ясно, – продолжал я, – что из револьвера папаши Жака стреляла она и ранила убийцу в руку. Значит, она опасалась кого-то или чего-то.

– Возможно.

– Вы никого не подозреваете?

– Нет, – ответил Дарзак, взглянув на Рультабийля.

Тогда мой друг обратился ко мне:

– Вам следует знать, дорогой мой, что следствие продвинулось несколько дальше, чем соблаговолил нам рассказать наш скрытный господин де Марке. Следствию уже известно не только оружие, которым оборонялась мадемуазель Стейнджерсон, но и оружие, которым воспользовался убийца для нападения на нее. Это, как сказал мне господин Дарзак, кастет. Почему господин де Марке окружил кастет такой тайной? С намерением облегчить работу агентам полиции. По-видимому, он воображает, что среди хорошо известных им отбросов парижского общества удастся найти владельца этого орудия преступления, одного из самых страшных, когда-либо придуманных человеком. А потом, разве можно догадаться, что происходит в мозгу у следователя? – добавил Рультабийль с презрительной иронией.

– Значит, в Желтой комнате нашли кастет? – спросил я.

– Да, сударь, – отозвался Робер Дарзак, – возле ножки кровати. Но умоляю, никому не говорите. Господин де Марке просил нас держать это в тайне. – Я кивнул. – Шип этого громадного кастета был еще в крови от страшной раны, нанесенной мадемуазель Стейнджерсон. Судя по виду, кастет не новый и, вероятно, уже послужил орудием нескольких преступлений. Так думает господин де Марке, который отправил его в Париж, в лабораторию на анализ. Он надеется найти на нем, кроме свежих следов, еще и пятна засохшей крови, свидетельствующие о прошлых преступлениях.

– В руках опытного убийцы кастет – страшное оружие, даже более эффективное и надежное, чем тяжелый молоток, – заметил Рультабийль.

– Негодяй это и доказал, – горестно вздохнул Дарзак. – Мадемуазель Стейнджерсон нанесли им сильнейший удар в голову. Форма шипа кастета соответствует ране. Мне кажется, она была бы смертельной, не помешай убийце выстрел мадемуазель Стейнджерсон. Раненный в руку, убийца выронил кастет и скрылся. Но, к несчастью, удар уже был нанесен, а она, после того как он пытался ее задушить, находилась в полубессознательном состоянии. Если бы мадемуазель Стейнджерсон удалось ранить негодяя первым выстрелом, я уверен, до кастета дело бы не дошло. Но, вероятно, она схватила револьвер слишком поздно, первая пуля в процессе борьбы прошла мимо и угодила в потолок, и лишь вторая...

С этими словами Дарзак постучался в дверь павильона. Можете себе представить, до какой степени мне хотелось попасть на место преступления! Я весь дрожал от нетерпения и, несмотря на то что разговор о кастете был чрезвычайно любопытен, просто кипел, так как беседа наша затягивалась, а дверь не открывалась.

Наконец она отворилась. На пороге стоял человек, в котором я признал папашу Жака.

Мне показалось, что ему далеко за шестьдесят. Длинная седая борода, седые волосы, прикрытые баскским беретом, поношенные штаны и куртка из светло-коричневого бархата, на ногах сабо; мрачное и неприветливое лицо при виде Робера Дарзака прояснилось.

– Это друзья, – просто сказал наш провожатый. – В домике кто-нибудь есть, папаша Жак?

– Мне приказано никого не впускать, господин Робер, но к вам это, конечно, не относится. А почему не пускать? Ведь судебские уже осмотрели что нужно. Понарисовали уйму планов, понаставляли протоколов...

– Простите, господин Жак, прежде всего один вопрос, – перебил его Рультабийль.

– Спрашивайте, молодой человек. Если смогу...

– Скажите, в тот вечер волосы у вашей хозяйки были причесаны на прямой пробор – знаете, гладкая прическа, закрывающая виски?

– Нет, сударь, хозяйка никогда не носила волосы на прямой пробор – ни в тот вечер, ни еще когда. Они были, как обычно, собраны у нее на затылке, так что открывали ее прекрасный лоб, чистый, словно у новорожденной.

Рультабийль, пробормотав что-то сквозь зубы, принялся осматривать дверь. Запиралась она и в самом деле автоматически. Репортер понял, что остаться открытой она не могла, а чтобы ее отпереть, нужен был ключ. Затем мы вошли в переднюю – маленькую, довольно светлую комнату, выложенную красной плиткой.

– А вот и окно, через которое убежал преступник! – воскликнул Рультабийль.

– Да пусть они говорят что хотят, сударь! Если бы он убежал через него, мы бы увидели – как же иначе? Мы ж не слепые – ни мадемуазель Стейнджерсон, ни я, ни привратники, которых они упрятали за решетку. Почему ж они из-за моего револьвера не упрятали и меня тоже?

Тем временем Рультабийль отворил окно и принялся осматривать ставни.

– Они были закрыты в тот вечер?

– Изнутри, на железную щеколду, – ответил папаша Жак. – Что до меня, я уверен, что убийца прошел насквозь.

– Там есть пятна крови?

– Да, вот здесь, на камне снаружи. Только вот чьей крови?

– Смотрите-ка! – воскликнул Рультабийль. – Отпечатки ног... вон там, на дорожке... земля была очень мокрая... Сейчас посмотрим.

– Глупости! – прервал его папаша Жак. – Убийца там не проходил.

– Тогда где же?

– Откуда мне знать!

Рультабийль осматривал все чрезвычайно внимательно. Встав на колени, он начал быстро оглядывать грязные плитки пола в прихожей.

– Нет, сударь, здесь вы ничего не найдете, – снова вмешался папаша Жак. – Ничего никто не нашел. Да и больно здесь грязно, слишком много народу прошло. Мне сказали, чтобы я не мыл пол, но в тот день я своими руками хорошенько его вымыл, так что, если бы убийца тут пробежал, было бы видно – остались же отпечатки его башмаков в комнате барышни!

– Когда вы здесь мыли в последний раз? – поднявшись с колен, спросил Рультабийль и уставился на папашу Жака своими пронизательными глазками.

– Да говорю же вам, в день преступления! Примерно в половине шестого, пока барышня гуляла с отцом перед обедом – обедали они в тот день в лаборатории. На другой день, когда приехал следователь, следы на земле были видны как на ладони. Так вот, ни в лаборатории, ни в передней, которая блестела как стеклышко, никаких следов этого человека не нашли. Но раз их нашли снаружи, под окном, значит, он пробил потолок Желтой комнаты, прошел по чердаку, пробил крышу и спрыгнул прямо под окно прихожей. Хорошо, но ведь ни в потолке Желтой комнаты, ни у меня на чердаке никакой дыры нет. Так что видите – никто ничего не знает и, могу поклясться, никогда не узнает! Какое-то бесовское наваждение!

Внезапно Рультабийль снова встал на колени, на этот раз перед выходящей в переднюю дверь небольшой туалетной комнаты.

– И что же? – спросил я, когда он, простояв так с минуту, поднялся.

– Да нет, ничего существенного – капелька крови, – ответил молодой человек и повернулся к папаше Жаку: – Когда вы начали мыть лабораторию и переднюю, окно в передней было открыто?

– Мне пришлось его открыть, потому что я растопил в лаборатории печь для профессора и она, как обычно, дымилась. Я и открыл окна в лаборатории и передней, чтобы устроить сквозняк, потом окно в лаборатории закрыл, а в передней оставил открытым. После вышел ненадолго в замок взять тряпку – было примерно половина шестого, как я уже вам говорил, – вернулся и принялся мыть пол, потом снова ушел. Окно в передней все это время было открыто. Когда же я в последний раз вернулся в павильон, окно было закрыто, а хозяин и хозяйка работали в лаборатории.

– Окна закрыли, конечно, отец с дочерью, когда вошли в павильон?

– Конечно.

– Вы их об этом не спрашивали?

– Нет.

Тщательно осмотрев туалетную комнату и площадку лестницы, ведущей на чердак, Рультабийль, который, казалось, забыл о нашем существовании, вошел в лабораторию. Я последовал за ним, признаюсь, в большом волнении. Робер Дарзак следил за каждым движением моего друга. Мои же глаза сразу остановились на двери Желтой комнаты. Она была закрыта или скорее притворена, так как те, кто в ту ночь пытался вышибить ее ногами, в конце концов наполовину ее разломали.

Мой молодой друг, делавший все весьма методично, молча обвел комнату взглядом. Она была просторна и светла. Два забранных решеткой громадных окна выходили на широкое поле. Из них открывался чудесный вид на просеку в лесу и всю долину, вплоть до города, который, наверное, можно было различить в солнечные дни. Но сегодня не видно было ничего, кроме грязной земли, темного неба да следов крови в комнате.

Одну стену лаборатории целиком занимал большой камин, а также всяческие тигли и горны, необходимые для химических опытов. Повсюду стояли реторты и физические приборы, на столе – колбы, бумаги, папки, электрическая машина, гальванические элементы, аппарат, который, по словам Дарзака, профессор Стейнджерсон использовал для демонстрации распада материи под воздействием солнечного света, и тому подобное. Вдоль всех стен помещались застекленные шкафы с микроскопами, специальными фотографическими аппаратами и невероятным количеством разнообразных кристаллов.

Рультабийль сунул нос в камин, потом кончиками пальцев стал ворошить содержимое тиглей. Внезапно он выпрямился, держа полуобгоревший листок бумаги. Мы с Робером Дарзаком стояли у окна и беседовали; он подошел к нам и бросил:

– Сохраните-ка это, господин Дарзак.

Я склонился над обгорелым листком, который Робер Дарзак взял у Рультабийля.

Мне удалось разобрать на нем несколько слов:

*священника очарователен
сад все свеж*

Внизу стояла дата: 23 октября.

Дважды за это утро меня поразили эти бессмысленные слова, и уже второй раз я заметил, что на профессора Сорбонны они произвели то же ошеломляющее действие. Прежде всего он бросил быстрый взгляд на папашу Жака. Но тот на нас не смотрел, занятый чем-то у другого окна. Тогда жених м-ль Стейнджерсон дрожащей рукой открыл бумажник, вложил туда листок и вздохнул:

– О Боже!

Тем временем Рультабийль забрался в камин и, стоя на кирпичном полу, внимательно рассматривал дымоход. Сужаясь, в полуметре над его головой тот был закрыт вмурованными в кладку железными листами, сквозь которые проходили три трубы, каждая диаметром сантиметров пятнадцать.

– Пролезть здесь невозможно, – объявил молодой человек, выбираясь из камина. – Даже если бы убийца попытался это сделать, все железки валялись бы на полу. Нет, искать нужно не здесь.

Затем Рультабийль стал осматривать мебель и отворять дверцы шкафов. После этого он обошел окна, которые признал препятствием непреодолимым и непреодоленным. У второго окна стоял в задумчивости папаша Жак.

– Что это вы там высматриваете, папаша Жак?

– Да вот смотрю, как этот полицейский кружит около пруда. Еще один умник, который увидит столько же, сколько остальные.

– Нет, знай вы Фредерика Ларсана, – отозвался Рультабийль, грустно качая головой, – вы бы так не говорили. Если кто-нибудь и найдет убийцу, то только он, уж поверьте!

И Рультабийль вздохнул.

– Прежде чем его искать, неплохо бы знать, как он потерялся, – упорствовал папаша Жак. Наконец мы добрались до дверей Желтой комнаты.

– Вот за этими дверьми все и произошло! – провозгласил Рультабийль с торжественностью, которая при других обстоятельствах была бы просто смешной.

Глава 7, *в которой Рультабийль отправляется под кровать*

Рультэбийль толкнул дверь Желтой комнаты, остановился на пороге и произнес с волнением, причины которого я понял значительно позже:

– О! Духи Дамы в черном!

В комнате было темно. Папаша Жак хотел отворить ставни, но Рультэбийль остановил его:

– А что, драма произошла в полной темноте?

– Нет, молодой человек, не думаю. Барышня очень любила, когда на столе горит ночник, и я каждый вечер, прежде чем она шла спать, зажигал его. Я ведь по вечерам был у нее за горничную. Настоящая горничная приходила только утром. Барышня работает по ночам так поздно!

– А где располагался стол, на котором стоял ночник? Далеко от постели?

– Далеко.

– Не могли бы вы сейчас его зажечь?

– Нет, когда стол опрокинули, он разбился, и масло вытекло. Но, кроме этого, здесь все осталось как было. Сейчас я отворю ставни, и вы увидите...

– Погодите!

Рультэбийль вернулся в лабораторию и закрыл ставни обоих окон и дверь в переднюю. Когда мы оказались в непроглядной тьме, он зажег восковую свечку, отдал ее папаше Жаку и попросил его стать с нею посреди Желтой комнаты – там, где горел ночник.

Папаша Жак в своих домашних туфлях (сабо он, по обыкновению, оставил в передней) вошел в Желтую комнату, и в неярком мерцающем свете восковой свечки мы различили перевернутую мебель, кровать в углу и слева, напротив нас, отблеск зеркала, висящего подле кровати. Через несколько секунд Рультэбийль сказал:

– Довольно. Можете открыть ставни.

– Только не входите, – попросил папаша Жак. – Вы можете тут наследить, а все должно оставаться как есть. Это следователь придумал, хотя сам уже сделал что нужно.

Наконец ставни отворились. В комнату, оклеенную шафранными обоями, проник тусклый дневной свет, и нашим глазам открылся страшный беспорядок. На полу – в отличие от передней и лаборатории пол в Желтой комнате был дощатый – лежала желтая циновка, покрывавшая почти всю комнату и заходившая под кровать и туалетный столик – единственный, не считая кровати, предмет мебели, оставшийся на ножках. Круглый стол посреди комнаты, ночной столик и два стула были опрокинуты, однако не закрывали большое пятно крови на циновке: папаша Жак объяснил, что это кровь из раны на лбу м-ль Стейнджерсон. Кроме того, капельки крови виднелись повсюду, как бы следуя за хорошо заметными отпечатками ног убийцы. Это позволяло предположить, что кровь капала из раны человека, который в какой-то момент оперся окровавленной рукой о стену. На стене были и другие следы руки, но гораздо менее отчетливые.

– Смотрите! На стене кровь!.. – не удержался и воскликнул я. – Человек, который так сильно надавил рукой на стену, находился в темноте и, по-видимому, решил, что нащупал дверь. Он хотел ее толкнуть! Поэтому-то он и оперся так сильно, что оставил на желтых обоях страшный, обвиняющий его отпечаток – обвиняющий, ибо я не думаю, что в мире найдется так уж много подобных рук. Рука эта крупная и сильная, все пальцы почти одной длины, а большого не видно вообще. Здесь только отпечаток ладони. А если проследить за другими отпечатками руки, станет ясно, как убийца, опершись о стену, принялся ощупывать ее в поисках двери, нашел ее, начал искать замочную скважину...

– Все верно, – насмешливо перебил меня Рультабийль, – однако крови нет ни около скважины, ни около засова.

– Ну и что из того? – возразил я, гордясь своим здравым смыслом. – Он отпер дверь и отодвинул засов левой рукой, что вполне естественно: в правую руку он был ранен.

– Да ничего он не открывал! – вмешался папаша Жак. – Мы же не сумасшедшие. Когда дверь подалась, нас тут было четверо.

– Какая странная рука! – тем не менее продолжал я. – Вы только посмотрите, до чего странная!

– Рука самая обычная, – отозвался Рультабийль, – а отпечаток смазан, потому что человек провел ею по стене. Он вытер раненую руку о стену. А ростом он был примерно метр восемьдесят.

– Откуда вы знаете?

– По высоте отпечатка руки над полом.

Вслед за этим мой друг занялся круглым отверстием, которое пуля проделала в стене.

– Пуля летела горизонтально, – объявил он. – Ствол револьвера не был наклонен ни вверх, ни вниз.

Сказав это, Рультабийль обратил наше внимание на то, что след от пули расположен на несколько сантиметров ниже кровавого отпечатка. Затем, повернувшись к двери, он принялся буквально обнюхивать замочную скважину и засов. Осмотр убедил его, что дверь действительно выломали снаружи, так как замок был заперт, засов задвинут, а скобы их почти сорваны и едва держались на одном шурупе каждая.

Юный сотрудник «Эпок» взглянул на них снова, потом принялся за дверь и, осмотрев ее с обеих сторон, убедился, что отодвинуть или задвинуть засов снаружи было невозможно, а также что ключ вставлен изнутри. Далее он удостоверился, что, когда ключ вставлен изнутри, отпереть дверь другим ключом снаружи нельзя. И наконец, убедившись в том, что дверь не снабжена никаким автоматическим запором, то есть представляет собою самую что ни на есть обычную дверь с весьма надежными замком и засовом, которые оставались закрытыми, он бросил: «Тем лучше!» – после чего уселся на пол и поспешно принялся разуваться.

Оставшись в носках, Рультабийль вошел в комнату. Прежде всего он весьма тщательно осмотрел опрокинутую мебель. Мы молча наблюдали за ним. Папаша Жак насмешливо заметил:

– Я смотрю, вы, сударь, прямо из кожи вон лезете.

– Вы сказали чистую правду, папаша Жак, – поднял голову Рультабийль. – В тот вечер ваша хозяйка не была причесана на пробор, а вот я, старый дурак, вбил себе это в голову.

Затем со змеиной гибкостью он скользнул под кровать. Папаша Жак продолжал:

– И только подумать, сударь, что убийца прятался под кроватью! Он ведь был уже там, когда в десять часов я зашел, чтобы закрыть ставни и зажечь ночник, – ведь ни господин Стейнджерсон, ни мадемуазель Матильда, ни я больше из лаборатории не выходили.

– А скажите, господин Жак, – послышался из-под кровати голос Рультабийля, – в каком часу хозяин и мадемуазель последний раз пришли в лабораторию?

– В шесть.

– Да, он был здесь, это точно, – опять зазвучал голос журналиста. – К тому же тут больше и спрятаться-то негде... А когда вы вошли сюда вчетвером, под кровать вы заглядывали?

– Сразу же. Мы ее вверх дном перевернули, прежде чем поставить на место.

– А между матрасами смотрели?

– На кровати был только один матрас, на который мы положили барышню. Потом при-
вратник и господин Стейнджерсон тут же отнесли ее на этом матрасе в лабораторию. А под ним была лишь металлическая сетка, сквозь которую все видно. Да и не забывайте, сударь, что

нас было четверо, ускользнуть от нас ничто не могло – комнатка маленькая, мебели почти нет, дверь в павильон закрыта.

Я решил высказать предположение:

– А может, он покинул комнату вместе с матрасом? Может, даже в матрасе. Случай столь таинствен, что все возможно! Господин Стейнджерсон и привратник были возбуждены и могли не обратить внимания, что несут двойной вес. А вдруг привратник – сообщник? Предположение не хуже и не лучше любого другого, однако оно объясняет многое, например, отсутствие отпечатков ног в лаборатории и передней. Когда мадемуазель несли из лаборатории в замок, перед окном могли ненадолго остановиться, и преступник получил возможность спастись...

– И что дальше? Дальше-то что? – весело рассмеявшись, спросил из-под кровати Рультабийль.

– Кто его знает. Всякое возможно, – с досадой ответил я, а папаша Жак проговорил:

– Эта мысль, сударь, пришла в голову следователю, и он велел хорошенько осмотреть матрас, а потом сам смеялся – так же, как смеется сейчас ваш приятель, потому что уж чего-чего, а двойного дна в матрасе не было. Да и потом, если бы в нем был кто-то, мы бы увидели.

В конце концов я тоже рассмеялся над своей глупостью. Но кто может сказать, где начинается и где кончается глупость в подобном деле? Сделать это мог лишь мой друг, да и то...

– Послушайте-ка! – воскликнул он, все еще лежа под кроватью. – Похоже, эту циновку снимали.

– Да, сударь, – подтвердил папаша Жак. – Когда мы увидели, что убийцы нет, мы подумали: а вдруг в полу дыра?

– Какая там дыра, – отозвался Рультабийль. – А погреб здесь есть?

– Нету. Но это нас не остановило, да и господин следователь, и особенно письмоводитель обнюхали каждую половицу.

Наконец репортер вылез из-под кровати. Глаза его сияли, ноздри раздувались – он походил на молодого зверя, возвращающегося с удачной охоты. К тому же он так и остался стоять на четвереньках. Нет, в самом деле, лучшего сравнения для него было не придумать: великолепный охотничий пес, идущий по следу какой-то невероятной дичи! Он вынюхивал следы человека – человека, о котором поклялся рассказать своему начальнику, главному редактору «Эпок»: не следует забывать, что наш Жозеф Рультабийль был журналистом.

Так, на четвереньках, он тщательно обшарил всю комнату, осматривая и то небольшое, что видели мы, и то, чего мы не видели и чего, похоже, было немало.

Туалетный столик представлял собою просто доску на четырех ножках; укрытием, даже кратковременным, служить он никак не мог. Шкафа не было – гардероб м-ль Стейнджерсон находился в замке. Рультабийль принялся исследовать стены, сложенные из кирпичей. Ощупав своими ловкими пальцами желтые обои, он перешел к потолку, до которого добрался, поставив стул на туалетный столик и двигая это сооружение по всей комнате; закончив же с потолком и внимательно осмотрев след второй пули, он приблизился к окну и принялся изучать решетку и ставни: они были прочны и никаких следов взлома не имели. Наконец он удовлетворенно вздохнул и объявил, что теперь спокоен.

– Ну как, убедились, что наша бедняжка была крепко заперта, когда ее пытались убить и она звала на помощь? – жалобно спросил папаша Жак.

– Да, – ответил юный репортер, утирая лоб. – Могу поклясться, что Желтая комната была закрыта надежно, как сейф.

– Собственно говоря, – заметил я, – именно потому я и считаю, что это самая удивительная загадка, даже если обратиться к загадкам вымышленным. В «Убийстве на улице Морг» Эдгар По ни до чего подобного не додумался. Там тоже человек не мог проникнуть на место преступления, однако же было окно, через которое вошел преступник, оказавшийся обезья-

ной⁵. Но здесь никакого отверстия нет. Дверь заперта, ставни закрыты и не открывались, окно закрыто и не открывалось – муха и та бы не пролетела!

– В самом деле, – согласился Рультабийль, продолжавший утирать пот, который выступал, казалось, не столько от физических усилий, сколько от возбуждения. – В самом деле, это весьма серьезная, интересная и замысловатая загадка.

– Даже Божья Коровка, если это она совершила преступление, не могла бы ускользнуть отсюда, – продолжал ворчать папаша Жак. – Постойте-ка! Слышите? Тихо!

Папаша Жак сделал нам знак замолчать и, протянув руку к стене, за которой вдалеке находился лес, стал к чему-то прислушиваться.

– Ушла, – сказал он наконец. – Когда-нибудь я ее убью... Эта зверюга, эта Божья Коровка, приносит несчастье. Каждую ночь она вопит на могиле святой Женевиьевы, и никто не осмеливается ее тронуть, все боятся, что матушка Молельщица наведет порчу.

– А она большая, эта Божья Коровка?

– Да почти с таксу. Какое-то чудище, говорю вам. Меня уже сколько раз спрашивали, не она ли вцепилась когтями барышне в горло. Но ведь Божья Коровка не носит башмаков, не стреляет из револьвера, и такой лапы у нее нет! – воскликнул папаша Жак, указывая на кровавый отпечаток. – И потом, мы бы ее увидели, так же как человека, и, так же как человек, она оказалась бы заперта и в комнате, и в павильоне!

– Вероятно, – согласился я. – Пока я не увидел Желтую комнату, мне тоже казалось, что, быть может, кошка матушки Молельщицы...

– И вы тоже? – вскричал Рультабийль.

– А вы? – парировал я.

– Что вы, мне это ни на секунду не приходило в голову. Прочитав статью в «Матен», я знал, что ни о каком животном и речи быть не может. Теперь же я уверен, что здесь произошла ужасающая трагедия. Но почему вы ничего не сказали нам о найденном берете и платке, а, папаша Жак?

– Но их же забрал следователь, – неуверенно ответил тот.

– Я не видел ни платка, ни берета, но тем не менее могу сказать вам, как они выглядят, – с весьма серьезным видом парировал репортер.

– Да вы хитрец, – пробормотал папаша Жак и в смущении закашлялся.

– Платок – большой, голубой в красную полоску, берет – поношенный, баскский, вроде этого, – сказал Рультабийль, указав на голову старика.

– Все верно. Вы просто колдун, – промолвил папаша Жак, безуспешно пытаясь рассмеяться. – Откуда вы узнали, что платок голубой в красную полоску?

– Оттуда, что, не будь он голубым в красную полоску, его вообще не нашли бы.

Не обращая более внимания на папашу Жака, мой друг достал из кармана лист белой бумаги, взял ножницы, нагнулся над отпечатками ног и, наложив листок на один из них, принялся вырезать. Когда он закончил, в руках у него оказался точный бумажный контур подошвы. Он отдал его мне и попросил не терять.

Затем он возвратился к окну и, указав папаше Жаку на Фредерика Ларсана, все еще крутившегося на берегу пруда, с беспокойством поинтересовался, не собирается ли и полицейский прийти поработать в Желтую комнату.

– Нет, – успокоил его Робер Дарзак, который не произнес ни слова с той минуты, когда Рультабийль передал ему обгорелый обрывок бумаги. – Он утверждает, что ему нет нужды

---

⁵ Конан Дойл рассматривает похожее преступление в рассказе «Пестрая лента». В закрытой комнате совершено страшное убийство. Кто преступник? Шерлок Холмс довольно скоро его разоблачил; в комнате была отдушина размером с монету, через которую и проникла «пестрая лента», то есть змея.

осматривать Желтую комнату, так как убийца покинул ее самым обычным образом, и что сегодня вечером он все объяснит.

Услышав эти слова, Рультабийль – необычное дело! – побледнел.

– Неужели Ларсан знает правду, которую я пока только чувствую? – пробормотал он. – Фредерик Ларсан – мастер своего дела, большой мастер, достойный восхищения. Но сегодня требуется нечто большее, чем просто полицейская работа, большее, чем может подсказать опыт. Сегодня требуется логика, понимаете, та самая логика, которой пользовался Господь, когда сказал, что два плюс два будет четыре! Нужно взяться за дело с верного конца.

Мне удалось нагнать друга лишь на пороге павильона.

– Ну успокойтесь же, – заговорил я. – Вы чем-то недовольны?

– Напротив, – глубоко вздохнув, признался он. – Я очень доволен. Мне удалось многое выяснить.

– В плане умозрительном или материальном?

– Кое-что в умозрительном, а кое-что и в материальном. Вот это, например. Держите.

И он быстрым движением вытащил из жилетного кармана листок бумаги, который положил туда, видимо, во время своей экспедиции под кровать. Я развернул листок и увидел белокурый женский волос.

Глава 8

Следователь допрашивает м-ль Стейнджерсон

Когда пять минут спустя Рультабийль стоял, склонившись над следами, обнаруженными в парке под окном передней, к нам широкими шагами подошел человек, по-видимому, слуга из замка, и крикнул Роберу Дарзаку, выходившему из павильона:

– Господин Робер, следователь допрашивает мадемуазель.

Робер Дарзак коротко извинился и побежал к замку, слуга поспешил следом.

– Когда труп начинает говорить, – заметил я, – это становится любопытным.

– Мы должны быть там, – отозвался мой друг. – Поскорее в замок.

Он увлек меня за собой. Однако находившийся в вестибюле замка жандарм не пустил нас на второй этаж. Пришлось ждать.

Тем временем в комнате жертвы покушения происходило следующее. Домашний врач нашел, что м-ль Стейнджерсон гораздо лучше, однако, опасаясь, что в состоянии ее может наступить резкое, возможно, даже фатальное ухудшение, которое не позволит ее допросить, счел своим долгом предупредить об этом следователя, и тот решил немедленно провести короткий допрос. Присутствовали на нем г-н де Марке, письмоводитель, г-н Стейнджерсон и врач. Позже, когда шел процесс, мне удалось достать запись этого допроса. Вот он, во всей его юридической сухости.

«Вопрос. – Способны ли вы, сударыня, не особенно себя утомляя, сообщить нам несколько подробностей об этом страшном покушении на вашу жизнь?»

Ответ. – Я чувствую себя гораздо лучше, сударь, и скажу все, что знаю. Когда я зашла в комнату, ничего необычного я не заметила.

В. – Простите, мадемуазель, если позволите, я буду задавать вам вопросы, а вы будете отвечать. Это утомит вас меньше, нежели долгий рассказ.

О. – Хорошо, сударь.

В. – Скажите, чем вы занимались весь день? Мне бы хотелось, чтобы вы вспомнили как можно более точно и подробно. Я желал бы, мадемуазель, узнать обо всех ваших действиях в тот день, если, конечно, это возможно.

О. – Встала я поздно, в десять, потому что мы с отцом накануне поздно вернулись с приема, который давал президент республики в честь делегатов Филадельфийской академии наук. Когда в половине одиннадцатого я вышла из своей комнаты, отец уже трудился в лаборатории. Мы проработали до полудня, затем полчаса погуляли по парку, затем позавтракали в замке. Потом еще одна получасовая прогулка – как обычно, до половины второго. После этого мы с отцом вернулись в лабораторию. Там мы застали горничную, пришедшую убратся у меня в спальне. Я заглянула туда, отдала ей несколько мелких распоряжений, и она тотчас ушла, а мы с отцом снова принялись за работу. В пять часов мы вышли из павильона, еще немного погуляли и выпили чаю.

В. – Перед тем как выйти в пять часов из павильона, вы заходили в свою комнату?

О. – Нет, сударь, но туда по моей просьбе зашел отец, чтобы принести мне шляпку.

В. – Он не заметил ничего подозрительного?

Г-н Стейнджерсон. – Совершенно ничего, сударь.

В. – Впрочем, мы почти уверены, что в это время убийцы под кроватью еще не было. Когда вы уходили, дверь в комнату была заперта на ключ?

М-ль Стейнджерсон. – Нет, у нас не было причин ее запирать.

В. – На какое время вы с господином Стейнджерсоном покинули павильон в этот раз?

О. – Примерно на час.

В. – Вот в это время убийца и проник в павильон. Но как? Неизвестно. В парке найдены следы, идущие от окна передней, но следов, которые вели бы туда, нет. Заметили вы, когда уходили, что окно в передней открыто?

О. – Не помню.

Г-н Стейнджерсон. – Оно было закрыто.

В. – А когда вернулись?

М-ль Стейнджерсон. – Не обратила внимания.

Г-н Стейнджерсон. – Оно было все еще закрыто. Я хорошо помню, что, войдя в павильон, сказал: «Папаша Жак мог бы и открыть окно, пока нас не было!»

В. – Странно. Очень странно. Папаша Жак утверждает, что, когда вас не было, он, уходя из домика, открыл окно. Значит, вы вернулись в шесть и принялись за работу?

М-ль Стейнджерсон. – Да, сударь.

В. – И больше из лаборатории не выходили, пока не отправились к себе в комнату?

Г-н Стейнджерсон. – Нет, сударь, ни дочь, ни я. У нас была чрезвычайно срочная работа, поэтому мы не могли терять ни минуты. Обо всем другом мы просто забыли.

В. – Вы обедали в лаборатории?

О. – Да, по той же причине.

В. – Вы, как правило, обедаете в лаборатории?

О. – Нет, довольно редко.

В. – Мог ли убийца знать, что вы собираетесь обедать в лаборатории?

Г-н Стейнджерсон. – Нет, сударь, не думаю. Я решил пообедать с дочерью в лаборатории, только когда мы вернулись туда в шесть часов. Как раз в тот момент к нам подошел мой лесник и ненадолго меня задержал, попросив сходить с ним в ту часть леса, которую я решил вырубить. Я был занят и отложил это на следующий день, а заодно попросил лесника, направлявшегося в замок, предупредить дворецкого, что мы будем обедать в лаборатории. Он ушел выполнять мое поручение, а я присоединился к дочери, которой перед тем отдал ключ от павильона. Она оставила его в дверях снаружи, потому что уже взялась за работу.

В. – В какое время, мадемуазель, вы зашли к себе в комнату, расставшись с отцом, который продолжал работать?

М-ль Стейнджерсон. – В полночь.

В. – Папаша Жак в течение этого вечера входил в Желтую комнату?

О. – Да, чтобы закрыть ставни и зажечь ночник – как каждый вечер.

В. – Он ничего подозрительного не заметил?

О. – Если бы заметил, сказал бы. Папаша Жак – хороший человек, он меня очень любит.

В. – Вы утверждаете, господин Стейнджерсон, что после этого папаша Жак из лаборатории не выходил и все время был с вами?

Г-н Стейнджерсон. – Уверен. На этот счет у меня нет никаких подозрений.

В. – Мадемуазель, войдя в свою спальню, вы сразу же заперлись на ключ и на засов? Странная предосторожность, если учесть, что в соседней комнате находились ваш отец и слуга. Вы чего-то боялись?

О. – Отец собирался вскоре уйти в замок, а папаша Жак – лечь спать. А потом, я и вправду кое-чего боялась.

В. – Боялись до такой степени, что без спроса позаимствовали у папаши Жака револьвер?

О. – Это верно, я не хотела никого пугать, тем более что страхи мои могли оказаться просто детскими.

В. – Чего же вы боялись?

О. – Не могу сказать наверное: уже несколько ночей мне казалось, что в парке около павильона я слышу какой-то странный шум, порой шаги, хруст веток. Накануне ночью я легла

только в три, после возвращения из Елисейского дворца. Так вот, подойдя к окну, я видела тогда какие-то тени...

В. – Сколько их было?

О. – Две, они двигались вокруг пруда, а потом луна спряталась, и стало ничего не видно. Обычно в это время года я перебираюсь назад в замок, где живу по-зимнему, но в этом году я решила, что не покину павильон, пока отец не закончит доклад для Академии наук о своих работах по распаду материи. Мне не хотелось, чтобы этой серьезной работе, которая через несколько дней должна была быть завершена, мешали какие-либо изменения в нашем укладе. Теперь вы понимаете, почему я не хотела говорить отцу о своих детских страхах. А папаше Жаку я не сказала, потому что он проболтался бы. Как бы там ни было, я знала, что у него в ящике ночного столика есть револьвер, и, улучив минуту, когда старик отсутствовал, быстро поднялась на чердак, взяла револьвер и сунула его в ящик своего ночного столика.

В. – У вас есть враги?

О. – Нет.

В. – Но вы же понимаете, мадемуазель, что такие серьезные меры предосторожности кажутся нам удивительными.

Г-н Стейнджерсон. – Действительно, дитя мое, предосторожности весьма странные.

О. – Да нет же, ничего удивительного. Я же говорю, что две ночи мне было очень не по себе.

Г-н Стейнджерсон. – Тебе следовало сказать мне. Это непростительно. Мы могли бы избежать беды!

В. – Заперев дверь Желтой комнаты, вы легли, мадемуазель?

О. – Да, я очень устала и тут же заснула.

В. – Ночник продолжал гореть?

О. – Да, но он довольно тусклый.

В. – Теперь, мадемуазель, расскажите, что же произошло?

О. – Не знаю, сколько я проспала, когда внезапно проснулась. Я громко вскрикнула...

Г-н Стейнджерсон. – Да, крик был жуткий. До сих пор у меня в ушах звучит: «Убивают!»

В. – Значит, вы закричали?

О. – В комнате находился какой-то человек. Он бросился ко мне и стал меня душить. Я уже почти задохнулась, как вдруг моя рука наткнулась на револьвер, лежавший в приоткрытом ящике; курок у него был взведен. В этот момент человек отшвырнул меня на кровать и чем-то замахнулся, но я успела выстрелить и тут же почувствовала страшный удар по голове. Все это, господин следователь, произошло быстрее, чем я рассказываю. Больше я ничего не знаю.

В. – Больше ничего? И даже не подозреваете, каким образом убийца мог выскользнуть из вашей комнаты?

О. – Понятия не имею. Больше я ничего не знаю. Когда человек без сознания, он не может знать, что происходит вокруг.

В. – Человек был высокий или низкий?

О. – Я видела лишь тень, которая показалась мне громадной.

В. – И вы больше ничего не можете нам сообщить?

О. – Сударь, больше я ничего не знаю. Человек бросился на меня, я выстрелила – и все».

На этом допрос м-ль Стейнджерсон заканчивается.

Жозеф Рультабийль терпеливо дожидался Робера Дарзака.

Тот не замедлил появиться.

Он слушал допрос, находясь в комнате, соседней с той, где лежала м-ль Стейнджерсон, и пересказал его нашему другу очень точно и с покорностью, которая меня поразила. Благодаря своим карандашным заметкам он сумел воспроизвести вопросы и ответы почти дословно.

Дарзак и в самом деле походил на секретаря моего молодого друга и вел себя как человек, который не только не может ни в чем ему отказать, но даже готов на него работать.

Упоминание о закрытом окне поразило репортера не меньше, чем следователя. Кроме того, он попросил Дарзака повторить еще раз показания отца и дочери о том, чем они занимались в день трагедии. Его весьма заинтересовал эпизод с обедом в лаборатории, и для пущей уверенности он дважды попросил повторить, что леснику было известно о намерении профессора пообедать с дочерью в лаборатории и откуда лесник это узнал.

Когда Робер Дарзак замолк, я сказал:

- Не очень-то этот допрос приблизил решение задачи.
- Наоборот, отодвинул, – согласился Дарзак.
- Да нет, прояснил, – задумчиво возразил Рультабийль.

Глава 9

Репортер и полицейский

Мы шли втроем в сторону павильона. Метрах в ста от него репортер остановил нас и, указывая на невысокие кусты, бросил:

– В павильон убийца шел отсюда.

Это были не единственные кусты в Дубовой роще, поэтому я поинтересовался, почему убийца выбрал именно их. Рультабийль указал на тропинку, шедшую мимо кустов к дверям павильона, и ответил:

– Как видите, дорожка посыпана гравием. Он должен был пройти по ней, так как на мягкой земле его следов нет. Не на крыльях же он летел! Он шел, шел по гравию, отпечатков на котором не остается. Собственно говоря, по этой тропинке проходили многие, потому что это самый короткий путь из павильона в замок. Что же касается кустов, то вечнозеленые лавр и бересклет послужили убийце надежным укрытием, пока он ждал момента, когда сможет направиться в павильон. Спрятавшись, он видел, как оттуда вышли господин и мадемуазель Стейнджерсон, потом папаша Жак. Гравийная дорожка идет почти до окна передней. Следы же человека – я их уже видел, а вы сейчас увидите – идут параллельно ограде, значит, ему нужно было лишь сделать широкий шаг, чтобы очутиться под окном передней, которое папаша Жак оставил открытым. Оставалось подтянуться на руках – и он в передней.

– В конце концов, это вполне возможно... – начал я.

– Что «в конце концов»? Что «в конце концов»? – закричал Рультабийль, охваченный внезапным приступом гнева, который я нечаянно вызвал. – Почему вы говорите: «В конце концов, это вполне возможно»?

Я принялся умолять его не горячиться, но он уже слишком разошелся, чтобы слушать меня, и заявил, что восхищается благоразумными сомнениями, ссылаясь на которые кое-кто (то есть я) обходит самые простые вопросы, никогда не решаясь сказать «это так» или же «это не так», в результате чего его разум приходит к такому же результату, какой получился бы, если бы природа позабыла снабдить его черепную коробку хотя бы небольшим количеством серого вещества. Поскольку я смутился, мой молодой друг взял меня под руку и уверил, что никоим образом не имел в виду меня, так как меня он ценит весьма высоко.

– Но посудите сами, – продолжал он, – не делать правильных выводов, когда человек способен их делать, порою просто преступно! Если бы я не сделал вывода относительно гравия на дорожке, мне пришлось бы прийти к мысли о воздушном шаре! Но, дорогой мой, воздухоплавание развито еще недостаточно для того, чтобы допустить мысль об убийце, падающем с неба! Так что не употребляйте слово «возможно», когда поистине и быть не может. Итак, мы знаем, каким образом преступник проник в павильон и когда он это сделал. Он попал туда после пяти, когда хозяева гуляли. То обстоятельство, что в половине второго, когда профессор с дочерью вернулись, в лаборатории находилась горничная, пришедшая убратся в Желтой комнате, позволяет нам утверждать, что в это время убийцы в комнате, под кроватью, не было, если только горничная не его соучастница. Что вы на это скажете, господин Дарзак?

Дарзак покачал головой и заявил, что он уверен в преданности горничной м-ль Стейнджерсон, особы весьма честной.

– К тому же в пять часов господин Стейнджерсон вошел в комнату за шляпкой дочери, – добавил он.

– Да, и это тоже, – согласился Рультабийль.

– Убийца влез в окно тогда, когда вы говорите, – с этим я согласен, – вставил я, – но зачем он закрыл окно, коль скоро это обязательно должно было привлечь внимание того, кто его открывал?

– Вполне возможно, что окно не было закрыто сразу же, – ответил юный репортер. – Однако если преступник закрыл его, он сделал это из-за того, что в двадцати пяти метрах от павильона посыпанная гравием тропинка изгибается и в этом месте растут три дуба.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Робер Дарзак, шедший рядом с нами и слушавший Рультабийля с напряженным вниманием.

– Я объясню это позже, сударь, когда сочту, что настало время, но полагаю, что до сих пор я не произносил более важных слов, связанных с делом, чем эти, – если, конечно, мое предположение верно.

– В чем же оно заключается?

– Вы это узнаете, если оно окажется справедливым. Говорить о нем пока рано: это лишь предположение.

– Но вы хотя бы подозреваете кого-либо в покушении?

– Нет, я не знаю, кто преступник, но будьте уверены, господин Дарзак, узнаю!

Должен признать, что Робер Дарзак казался весьма взволнованным, и подозреваю, что обещание Рультабийля не очень-то ему понравилось. «Но почему же, – подумал я, – он помогает репортеру, если и в самом деле опасается разоблачения убийцы?» Похоже, у моего друга создалось такое же впечатление, так как он вдруг в упор спросил:

– Вы не расстроитесь, господин Дарзак, если я найду преступника?

– Да я готов убить его собственными руками! – воскликнул жених м-ль Стейнджерсон столь порывисто, что я удивился.

– Я вам верю, – серьезно произнес Рультабийль, – но вы не ответили на мой вопрос.

Проходя мимо кустов, о которых недавно говорил репортер, я залез в них и показал ему на явные следы прятавшегося там человека. Рультабийль опять оказался прав.

– Ну конечно! – воскликнул он. – Разумеется! Мы имеем дело с существом из плоти и крови, возможности у которого ничем не лучше наших, поэтому все в конце концов станет на свои места.

Сказав это, он попросил у меня вырезанный из бумаги отпечаток ноги и приложил его к видневшемуся за кустами отчетливому следу. Через несколько секунд он выпрямился и буркнул:

– Черт возьми!

Я думал, что теперь он пойдет по следу, который шел от окна передней, однако он, взяв сильно влево, заявил, что нет смысла месить эту грязь и что он-де знает, каким путем убегал преступник.

– Он дошел до конца стены, метрах в пятидесяти отсюда, и затем перепрыгнул через ограду и ров как раз напротив тропинки, ведущей к пруду. Это самый короткий путь, которым можно выйти из имения и попасть к пруду.

– Откуда вы знаете, что он пошел к пруду?

– Потому что Фредерик Ларсан крутится возле него все утро. Он явно нашел там что-то весьма любопытное.

Через несколько минут мы были у пруда.

Болотистые берега его покрывал камыш, на поверхности плавало несколько мертвых листьев кувшинки. Большой Фред видел, как мы подошли, но никакого интереса к нам не проявил, продолжая шевелить что-то концом трости.

– Смотрите-ка, – сказал Рультабийль, – вот опять следы бегства преступника: здесь они огибают пруд, поворачивают и пропадают у тропинки, ведущей к дороге на Эпине. Он двигался по направлению к Парижу.

– Почему вы так думаете? – спросил я. – Ведь на тропинке его следов нет.

– Почему? Да из-за этих следов, которые я и предполагал здесь найти! – вскричал он, указывая на четкие отпечатки изящных штиблет. – Смотрите! – И он тут же окликнул Фредерика Ларсана: – Скажите, господин Фред, эти изящные следы обнаружены после покушения?

– Да, молодой человек, ими занимались очень тщательно, – ответил Фред, не поднимая головы. – Видите, одни следы идут сюда, другие – отсюда.

– Да у него был велосипед! – воскликнул репортер.

Осмотрев отпечатки велосипедных шин, следовавшие за следами изящной обуви, я счел возможным вмешаться:

– Велосипед объясняет исчезновение отпечатков грубых башмаков убийцы – он сел на велосипед. Его сообщник, человек в изящных штиблетах, ждал его с велосипедом на берегу пруда. Видимо, можно предположить, что убийца действовал в сговоре с этим человеком?

– Нет, вовсе нет! – возразил Рультабийль со странной улыбкой. – Едва начав расследование, я ждал появления этих следов. Они нашлись, и теперь я их не оставлю. Это следы убийцы!

– А что же с другими следами – отпечатками грубых башмаков?

– Это еще одни следы убийцы.

– Так, значит, их двое?

– Нет, преступник один, и сообщников у него нет.

– Недурно, весьма недурно! – вскричал со своего места Фредерик Ларсан.

– Взгляните, – продолжал молодой репортер, показывая нам отпечатки широких каблучков, – здесь он сел и снял башмаки, которые надевал, чтобы обмануть полицию, затем встал и спокойно, шагом, дошел до дороги, ведя велосипед рядом. Тропинка здесь плохая, и он не осмелился ехать по ней на велосипеде. Доказательство этому – слабые и неотчетливые следы шин на тропинке, несмотря даже на то, что земля влажная. Если бы он ехал, колеса оставили бы глубокие борозды. Нет, нет, здесь был лишь один человек: убийца, шедший пешком!

– Bravo! Bravo! – опять похвалил репортера Большой Фред, потом вдруг подошел к Роберу Дарзаку и сказал: – Будь у нас здесь велосипед, мы смогли бы продемонстрировать правильность рассуждений этого молодого человека. Господин Дарзак, вы не знаете, нет ли в замке велосипеда?

– Нет, – ответил Дарзак, – четыре дня назад, в мой последний перед несчастьем приезд, я увез свой велосипед в Париж.

– Жаль! – чрезвычайно холодно заключил Фред и обратился к Рультабийлю: – Если так пойдет и дальше, увидите, мы придем к одинаковым заключениям. Сложилось ли у вас мнение о том, как убийца вышел из Желтой комнаты?

– Да, – ответил Рультабийль, – у меня есть догадка.

– У меня тоже, – продолжал Фред, – и, должно быть, та же, что у вас. В этом деле рассуждать по-разному невозможно. Когда приедет мой начальник, я все объясню следователю.

– Ах, значит, должен приехать начальник уголовной полиции?

– Да, сегодня после полудня. В лаборатории следователь устраивает очную ставку, на которую приглашены все, кто сыграл или мог сыграть роль в этой драме. Это обещает быть интересным. Жаль, что вы не сможете присутствовать.

– Я буду присутствовать, – возразил Рультабийль.

– Нет, в самом деле, для ваших лет вы человек просто необыкновенный! – ответил Ларсан тоном, не лишенным некоторой иронии. – Будь вы немного более методичны, из вас вышел бы замечательный полицейский, особенно если бы вы меньше доверяли своему инстинкту да разуму. Такое я уже наблюдал неоднократно, господин Рультабийль: вы слишком много рассуждаете, а вам надо бы руководствоваться тем, что вы видите. Что вы, к примеру, скажете об окровавленном носовом платке и кровавом отпечатке руки на стене? Вы его видели, я же видел только платок. Итак?

– Полно вам! – ответил Рультабийль, несколько сбитый с толку. – Мадемуазель Стейнджерсон ранила убийцу в руку выстрелом из револьвера.

– Вот! Вывод прямолинейный, инстинктивный. Берегитесь, вы рассуждаете слишком «в лоб», господин Рультабийль. Логика может сыграть с вами злую шутку, если вы будете столь прямолинейны. Существует множество случаев, когда к логике следует относиться с осторожностью, обращаться с нею бережно. Говоря о револьвере и о мадемуазель Стейнджерсон, вы правы. Жертва покушения стреляла, это так. Но вы ошибаетесь, говоря, что она ранила преступника в руку.

– Но я в этом уверен! – вскричал Рультабийль.

– Ошибочное умозаключение! – невозмутимо продолжал Фред. – Совершенно ошибочное! Осмотрев платок, а также обнаружив рядом с отпечатками ног капельки крови, я понял, что убийца ранен не был. У преступника, господин Рультабийль, кровь шла носом.

Большой Фред произнес это очень серьезно. У меня невольно вырвалось удивленное восклицание. Репортер с Фредом посмотрели друг другу в глаза, и Фред заключил:

– Человек, у которого шла кровь, вытирал ее рукой и платком, а руку вытер о стену. Это очень важно: преступник не обязательно должен был быть ранен в руку.

Рультабийль глубоко задумался, после чего сказал:

– По-моему, господин Ларсан, есть кое-что похуже, нежели прямолинейная логика. Такой образ мышления свойствен иным полицейским, которые из самых лучших намерений приноравливают эту самую логику к своей версии. Не отрицайте, господин Фред, у вас уже есть подозрение относительно личности преступника, а то обстоятельство, что он ранен в руку, никак в вашу версию не укладывается. Поэтому вы стали искать и нашли другое объяснение. Это опасно, господин Фред, и весьма: сперва выбрать преступника, а уж потом добывать необходимые доказательства. Так можно далеко зайти... Берегитесь, господин Фред, вас ждет судебная ошибка!

Рультабийль, ухмыльнувшись, засунул руки в карманы и чуть насмешливо уставился своими хитрыми глазками на Большого Фреда. Ларсан молча разглядывал этого мальчишку, который вздумал с ним тягаться, затем пожал плечами и, не говоря ни слова, широко зашагал прочь, постукивая по земле длинной тростью. Рультабийль посмотрел ему вслед, потом повернулся к нам: на лице его было написано ликование.

– А ведь я его одолею! – радостно воскликнул он. – Одолею самого Большого Фреда. Я всех их разобью наголову. До Рультабийля им далеко. Большой Фред, прославленный, знаменитый Фред, несравненный Фред рассуждает как недотепа! Как недотепа!

Репортер подпрыгнул, но тут же прекратил свои балетные па. Я проследил за его взглядом: Робер Дарзак с искаженным лицом смотрел на тропинку, на которой его шаги отпечатались рядом со следами изящных штиблет. Разницы между ними не было!

Нам показалось, что Дарзака хватит удар: глаза его расширились от ужаса, он избегал нашего взгляда и правой рукой машинально теребил бородку, окаймлявшую его честное, мягкое лицо, на котором было написано отчаяние. В конце концов он взял себя в руки, изменившимся голосом объявил, что ему нужно вернуться в замок, и ушел.

– Вот дьявол! – пробормотал Рультабийль.

Вид у него тоже был удрученный. Он достал из бумажника листок и, как в предыдущий раз, вырезал из него отпечаток изящной штиблеты преступника, находившийся перед ним на земле. Затем он наложил его на след Дарзака. Они совпали полностью. Рультабийль поднялся и снова пробормотал:

– Вот дьявол!

Я не осмелился произнести ни слова, понимая, насколько серьезные мысли роятся в эти минуты в голове у Рультабийля.

– И все-таки я уверен, что Робер Дарзак – человек честный, – сказал он и увлек меня по направлению к трактиру «Донжон», видневшемуся примерно в километре, подле небольшой купы деревьев.

Глава 10

«Придется есть мясо!»

Трактир «Донжон» выглядел довольно невзрачно, однако мне нравятся эти лачуги с их балками, прокопченными временем и дымом очага, эти трактиры эпохи дилижансов, эти покосившиеся домишки – воспоминания о давно прошедших годах. Они и по сей день цепляются за прошлое, за историю и навевают мысли о старых сказках дороги – сказках тех времен, когда с проезжими случались приключения.

Я сразу же понял, что за спиной у трактира «Донжон» добрых два века, а то и больше. Каменная облицовка и штукатурка местами осыпались, но стропила все еще отважно поддерживали ветхую крышу, которая слегка съехала вниз, словно фуражка с головы пьянчуги. Над входом на осеннем ветру дрожала железная вывеска. Местный художник изобразил на ней нечто вроде башни с остроконечной крышей и фонарем, напоминавшей донжон замка Гландье. Под вывеской на пороге трактира стоял довольно мрачного вида человек; он был, по-видимому, погружен в не очень-то веселые думы, если судить по глубоким морщинам на лбу и сурово сдвинутым густым бровям.

Когда мы подошли, он едва удостоил нас вниманием и не слишком любезно поинтересовался, не нужно ли нам чего. Это был, без сомнения, хозяин очаровательного жилища. Мы выразили желание позавтракать, однако он сообщил, что у него провизии никакой нет и услужить нам он затрудняется. В глазах у него при этом горела злоба, объяснить которую я был не в состоянии.

– Можете нас накормить, мы не из полиции, – сказал Рультабийль.

– Полиции я не боюсь, – ответил мужчина, – я вообще никого не боюсь.

Я стал было подавать своему другу знаки, что лучше нам не настаивать, но тот, явно желая во что бы то ни стало проникнуть в трактир, проскользнул мимо хозяина и вошел внутрь.

– Идите сюда, – позвал он, – здесь очень славно.

И действительно, в очаге весело трещали поленья. Мы подошли поближе и протянули руки к огню: этим утром уже чувствовалось приближение зимы. Внутри было довольно просторно; там помещались два больших стола, несколько скамеек и прилавков, заставленный бутылками с сиропом и спиртным. Три окна комнаты выходили на дорогу. На висевшей на стене олеографии юная парижанка лихо поднимала стакан, восхваляя достоинства нового вермута. На каминной полке трактирщик расставил множество керамических и фаянсовых кувшинов и кружек.

– На таком очаге хорошо жарить цыпленка, – заметил Рультабийль.

– Нет у нас цыпленка, – ответил хозяин. – Даже дрянного кролика и того нет.

– Я вижу, – продолжал мой друг с насмешливостью, которая меня удивила, – что нам теперь придется есть мясо!

Признаюсь, я ничего не понял. Почему Рультабийль сказал, что нам теперь придется есть мясо? И почему трактирщик, едва услышав эту фразу, проглотил сорвавшееся у него с языка проклятие и выразил готовность быть к нашим услугам – точно так же, как Робер Дарзак, когда услышал вешние слова о домике священника и саде? Решительно, мой друг обладал даром объясняться с людьми совершенно непонятным для меня образом. Я сказал ему об этом, он улыбнулся. Я предпочел бы, чтобы Рультабийль сообразовал объясниться, но он приложил палец к губам, очевидно, давая мне понять, что не только не хочет говорить об этом сам, но и мне не советует. Тем временем трактирщик, открыв маленькую дверь, крикнул, чтобы ему принесли полдюжины яиц и кусок филе. Поручение это было выполнено миловидной молоденькой женщиной с изумительными белокурыми волосами, с любопытством поглядывавшей на нас своими чудными большими глазами. Трактирщик грубо сказал ей:

– Убирайся! И не вздумай показываться на глаза, если придет тот, в зеленом!

Она скрылась. Рультабийль завладел миской с яйцами и тарелкой с мясом, поставил их осторожно рядом с собой, затем снял с крюка сковороду и рашпер и принялся готовить омлет и бифштекс. Заказав две внушительные бутылки сидра, он вовсе перестал интересоваться хозяином – так же, впрочем, как и тот им. Хозяин лишь время от времени посматривал то на Рультабийля, то на меня с плохо скрытым беспокойством. Накрыв стол у окна, он предоставил стряпать нам самим. Внезапно я услышал, как он пробормотал:

– А, все ж таки пожаловал!

Человек в зеленом бархатном костюме и с такого же цвета фуражкой на голове спокойно шел по дороге, куря трубку. Через плечо у него было ружье; двигался человек с почти что аристократической непринужденностью. Лет сорока пяти, с седеющими волосами и усами, в пенсне, мужчина был замечательно красив. Проходя мимо трактира, он чуть помедлил, как бы раздумывая, зайти или нет, бросил взгляд в нашу сторону, выпустил несколько клубов дыма и с той же беспечностью двинулся дальше.

Мы с Рультабийлем посмотрели на трактирщика. Глаза, мечущие молнии, стиснутые кулаки, дрожащие губы – все указывало на обуревавшие его чувства.

– Правильно сделал, что не зашел, – прошипел он.

– Кто это? – поинтересовался Рультабийль, переворачивая омлет.

– Человек в зеленом! – проворчал трактирщик. – Вы его не знаете? Тем лучше для вас. Такому знакомству радоваться не приходится. Это лесник господина Стейнджерсона.

– Похоже, вы его не слишком-то жалуете? – спросил Рультабийль, продолжая заниматься омлетом.

– Его, сударь, в деревне никто не жалует. Он гордец; когда-то был богат, а теперь зол на всех, кто видит, что ради пропитания он пошел в услужение. Ведь лесник – такой же лакей, как и прочие, верно? Клянусь, говорят, что хозяин Гландье – он, что все земли и леса принадлежат ему. Он не позволит бедняку съесть кусок хлеба на траве, «на его траве»!

– А к вам он заходит?

– Даже слишком часто. Но я дал ему понять, что его физиономия мне не нравится. Правда, уже месяц, как он не появляется, будто трактира «Донжон» для него никогда и не существовало! У него, видите ли, нет времени! А откуда ему взяться, если малый ухлестывает за хозяйкой «Трех лилий» в Сен-Мишеле? А теперь вот разругался со своей любовницей, так ищет, где провести время. Бабник, юбочник, негодяй! Все порядочные люди терпеть его не могут. Привратникам в замке он просто уже опротивел, этот тип в зеленом!

– Так вы считаете привратников людьми порядочными, господин трактирщик?

– Зовите меня просто по имени: папаша Матье. Так вот, не будь я папашей Матье, если не считаю их порядочными.

– И все же их арестовали.

– Ну и что? Вмешиваться в чужие дела я не желаю.

– А что вы думаете о покушении?

– О покушении на бедную барышню? Она хорошая девушка, в деревне ее любят. Стало быть, что я думаю?

– Да, что вы об этом думаете?

– Ничего. И много чего. Но это никого не касается.

– Даже меня? – продолжал настаивать Рультабийль.

Трактирщик отвел глаза и проворчал:

– Даже вас.

Омлет был готов. Мы уселись за стол и принялись молча есть, когда входная дверь открылась и на пороге появилась старуха: тело прикрыто лохмотьями, в руках палка, седые волосы на трясущейся голове паклей свисают на грязный лоб.

– А, матушка Молельщица! Давненько вы к нам не заходили! – приветствовал ее трактирщик.

– Сильно хворала, едва не померла, – ответила старуха. – Нет ли у вас чего из остатков для Божьей Коровки?

Она вошла в трактир, за нею кошка – просто громадная: я и не подозревал, что на свете бывают кошки таких размеров. Она посмотрела на нас и мяукнула столь душераздирающе, что я содрогнулся. Никогда еще мне не приходилось слышать такого заунывного крика.

И, словно привлеченный этим криком, в трактир вошел человек. Это был субъект в зеленом. Он поздоровался с нами, приложив пальцы к фуражке, и уселся за соседний стол.

– Дайте мне стаканчик сидра, папаша Матье.

Когда человек в зеленом вошел, папаша Матье резко двинулся ему навстречу, но потом взял себя в руки и ответил:

– Сидра больше нет, я отдал две последние бутылки этим господам.

– Тогда стакан белого вина, – невозмутимо произнес человек в зеленом.

– Белого вина тоже нет, ничего нет! – ответил папаша Матье и глухо повторил: – Ничего нет.

– Как поживает госпожа Матье?

При этих словах трактирщик сжал кулаки и повернулся к человеку в зеленом с таким выражением лица, словно намеревался его ударить, однако все-таки сказал:

– Хорошо, спасибо.

Значит, молодая женщина с чудными большими глазами была женою этого противного и грубого мужлана, чьи физические недостатки не шли ни в какое сравнение с его главным нравственным недостатком – ревностью.

Хлопнув дверью, трактирщик ушел. Матушка Молельщица все это время стояла, опираясь на палку, кошка вертелась у нее под ногами. Человек в зеленом обратился к ней:

– Вы не показывались целую неделю, матушка Молельщица. Наверное, болели?

– Да, господин лесник. Я вставала раза три, чтобы помолиться святой Женевьеве, нашей доброй покровительнице, а все остальное время лежала в лежку. Рядом со мною никого не было, одна Божья Коровка.

– И она все время была с вами?

– Денно и ночью.

– Вы в этом уверены?

– С места мне не сойти!

– Тогда почему же, матушка Молельщица, в ночь преступления слышались крики Божьей Коровки?

Матушка Молельщица повернулась к леснику и стукнула палкой в пол:

– Знать ничего не знаю. Но хотите – скажу? Кричать, как она, не умеет никакой другой зверь в мире. Так вот, в ночь преступления я тоже слышала снаружи крики Божьей Коровки, однако же та сидела у меня на коленях, господин лесник, и ни разу не мяукнула, клянусь вам. Слыша эти крики, я всякий раз крестилась, словно это кричал сам дьявол!

Когда лесник задавал свой последний вопрос, я взглянул на него и совершенно явственно заметил на его губах мерзкую насмешливую ухмылку.

В эту минуту до нас донеслись резкие голоса и, как нам даже показалось, звуки ударов, словно за стеной вспыхнула драка или кого-то избивали. Человек в зеленом вскочил и бросился к двери у очага, однако та отворилась, и появившийся на ее пороге трактирщик сказал леснику:

– Не пугайтесь, господин лесник, у моей жены болят зубы. – Он усмехнулся и обратился к старухе: – Держите, матушка, это легкое для вашей кошки.

Трактирщик протянул старухе сверток, та жадно его схватила и ушла, сопровождаемая своей кошкой. Человек в зеленом спросил:

– Так вы мне ничего не подадите?

Папаша Матье отозвался, не скрывая больше своей ненависти:

– Для вас у меня ничего нет, ничего! Убирайтесь отсюда!

Человек в зеленом спокойно набил трубку, закурил, попрощался с нами и вышел. Едва он перешагнул порог, как папаша Матье с треском захлопнул за ним дверь. Глаза его налились кровью, на губах выступила пена; он подошел к нам и, потрясая кулаком в сторону двери, закрывшейся за ненавистным ему человеком, прохрипел:

– Я не знаю, кто вы – вы, сказавшие, что теперь придется есть мясо, но если вам это интересно, убийца – вот он!

С этими словами папаша Матье вышел. Рультабийль повернулся к очагу и сказал:

– Давайте жарить бифштекс. Как вы находите сидр? На мой вкус, немного резковат.

В этот день папашу Матье мы больше не видели. Когда мы, оставив на столе пять франков за роскошное пиршество, выходили из трактира, там царила мертвая тишина.

Рультабийль заставил меня совершить прогулку почти в милю, пока мы обходили имение профессора Стейнджерсона. Минут на десять он задержался у покрытой черной пылью тропинки, проходившей неподалеку от хижины угольщиков; она располагалась в той части леса святой Женеьевы, что примыкает к дороге из Эпине в Корбейль. Мой друг сообщил мне, что, судя по состоянию грубых башмаков, убийца наверняка здесь проходил, прежде чем проникнуть в имение и спрятаться в кустах.

– Стало быть, вы не думаете, что лесник в этом замешан? – прервал я.

– Посмотрим, – ответил он. – Сейчас меня не занимает то, что сказал о нем трактирщик. В нем говорила злоба. Я повел вас завтракать в «Донжон» вовсе не из-за человека в зеленом.

С этими словами Рультабийль осторожно скользнул к стоящему у ограды домику привратников, арестованных этим утром. Я последовал за ним. С ловкостью, которая меня восхитила, он залез в открытое слуховое окно. Выйдя из домика минут через десять, он произнес только одну фразу, имевшую у него в устах столько значений:

– Черт побери!

Когда мы двинулись по направлению к замку, у ворот послышался шум. К только что остановившемуся экипажу из замка спешили люди. Рультабийль указал на человека, который вылезал из экипажа:

– Это начальник уголовной полиции. Посмотрим, что приготовил Фредерик Ларсан и вправду ли он умней других.

За экипажем начальника полиции подъехали еще три, набитые репортерами, которые тоже попытались проникнуть в парк. Однако у ворот стояли два жандарма и никого не пускали. Начальник полиции успокоил репортеров, пообещав нынче же вечером сообщить для прессы столько подробностей, сколько будет возможно без ущерба для следствия.

Глава 11, ***в которой Фредерик Ларсан объясняет, каким образом преступник мог выбраться из Желтой комнаты***

Среди массы бумаг, документов, воспоминаний, вырезок из газет и судебных протоколов, которыми я располагаю по делу Желтой комнаты, есть одна весьма любопытная вещь. Это пересказ знаменитого допроса, проведенного в тот день в лаборатории профессора Стейнджерсона в присутствии начальника уголовной полиции. Пересказ этот принадлежит перу г-на Малена, письмоводителя, занимавшегося в свое время, как и следователь, сочинительством. Пересказ предназначался для так и не изданной им книги под названием «Мои допросы». Передал его мне сам автор через некоторое время после небывалого завершения этого уникального в судебных анналах процесса.

Этот пересказ перед вами. Он никоим образом не похож на сухую запись вопросов и ответов: письмоводитель часто выражает в нем свои собственные суждения.

Рассказ письмоводителя

«Вот уже час мы со следователем находимся в Желтой комнате вместе с подрядчиком, который построил павильон по чертежам профессора Стейнджерсона. Подрядчик привел с собой рабочего. Г-н де Марке приказал подготовить все стены, и рабочий содрал с них обои. С помощью кирки и специального молотка нас убедили, что никаких отверстий и полостей в стенах нет. Рабочий тщательно простучал пол и потолок. Тоже ничего. Г-н де Марке весьма этому обрадовался и непрестанно повторял:

– Какое дело, господин подрядчик, какое дело! Вот увидите, мы никогда не узнаем, как преступник сумел выбраться из этой комнаты.

Внезапно г-н де Марке, весь сияя оттого, что ничего не понимает, вспомнил, что его долг – искать и понимать, и велел позвать бригадира жандармов.

– Бригадир, – приказал он, – ступайте в замок и попросите прийти в лабораторию господина Стейнджерсона и господина Дарзака вместе с папашей Жаком и велите вашим людям привести сюда привратников.

Через пять минут все собрались в лаборатории. К нам присоединился только что прибывший начальник полиции. Я сел за стол г-на Стейнджерсона и приготовился к работе, а г-н де Марке произнес речь, столь же своеобразную, сколь и неожиданную:

– Если не возражаете, господа, мы отойдем от обычной системы допросов, поскольку она не дает решительно ничего. Я не стану вызывать вас поочередно, отнюдь нет. Мы все останемся здесь: господин Стейнджерсон, господин Дарзак, папаша Жак, привратники, господин начальник уголовной полиции, письмоводитель и я. Все мы будем находиться здесь в равных условиях; пусть привратники на время забудут, что они арестованы. Мы станем беседовать. Я пригласил вас побеседовать. Мы пришли на место преступления – о чем же нам беседовать, как не о преступлении? Так давайте говорить о нем! Давайте говорить! Говорить свободно, умно или глупо! Будем говорить все, что придет в голову. Говорить без всякой metody, иначе ничего не выйдет. Я возношу пылкие молитвы богу случая, случайному ходу наших мыслей. Начинаем!

Закончив речь и проходя мимо меня, следователь шепнул:

– Каково? Представляете, какая сцена? Я сделаю из нее небольшую пьеску. – И он в ликовании потер руки.

Я перевел взгляд на г-на Стейнджерсона. Надежда, родившаяся в нем благодаря заверениям врачей, что м-ль Стейнджерсон выживет, не стерла с его благородного лица следы глубокого страдания. Он считал, что дочь его умрет, поэтому выглядел пока еще совершенно опустошенным. В его мягких светло-голубых глазах таилась бесконечная печаль. Прежде мне неоднократно доводилось видеть г-на Стейнджерсона на публичных церемониях. С первого же раза меня поразили его по-детски чистый взгляд: мечтательный, отрешенный от всего земного взгляд изобретателя или безумца. На этих церемониях, позади него или рядом, всегда стояла его дочь, которая, как говорили, никогда с ним не расстается и уже долгие годы помогает ему в работе. Эта тридцатипятилетняя, но выглядевшая гораздо моложе женщина, целиком отдавшая науке, все еще восхищала своею царственной красотой, неподвластной ни времени, ни любви. Мог ли я тогда предположить, что окажусь однажды со своими бумагами у ее изголовья и услышу, как она, борясь со смертью, с огромным трудом рассказывает о самом чудовищном и таинственном покушении из всех, с какими мне приходилось сталкиваться? Мог ли я предположить, что окажусь, как сегодня, лицом к лицу с ее безутешным отцом, тщетно пытающимся объяснить, как злодей мог ускользнуть от него? Какая же польза от его тихой работы в уединенном убежище среди темного леса, если уединение это не может уберечь от трагедий жизни и смерти, которые достаются обыкновенно в удел тем, кто предается соблазнам города?⁶

– Итак, господин Стейнджерсон, – довольно будничным тоном произнес г-н де Марке, – прошу вас стать в точности на то место, где вы находились, когда мадемуазель Стейнджерсон направилась к себе в комнату.

Г-н Стейнджерсон поднялся и, остановившись в полуметре от дверей Желтой комнаты, заговорил ровным, бесцветным, на мой взгляд, просто мертвым голосом:

– Я стоял здесь. Около одиннадцати, проведя в лабораторной печи короткий химический опыт, я пододвинул письменный стол сюда, чтобы папаша Жак, весь вечер приводивший в порядок мои приборы, мог проходить у меня за спиной. Дочь работала за этим же столом. После того как она встала, поцеловала меня и пожелала доброй ночи папаше Жаку, ей пришлось, чтобы войти в комнату, протиснуться между столом и дверью. Теперь вы видите, что я находился довольно близко от места, где было совершено преступление.

– А стол? – спросил я, в соответствии с волей начальника вмешиваясь в разговор. – Когда вы, господин Стейнджерсон, слышали крики о помощи и выстрелы, где стоял стол?

Ответил мне папаша Жак:

– Мы придвинули его к стене, примерно туда, где он сейчас, чтобы свободно подойти к двери, господин секретарь.

Я продолжал свои рассуждения, особого значения которым, правда, не придавал:

– Значит, стол стоял так близко к двери, что человек мог незаметно, согнувшись, выйти из комнаты и проползти под столом?

– Вы забываете, – устало прервал меня г-н Стейнджерсон, – что дочь заперлась на ключ и задвижку, и мы начали ломать дверь при первых же криках, что мы были уже у двери, когда моя бедная девочка боролась с убийцей, что шум этой борьбы все еще доходил до нас и мы слышали, как несчастная хрипела, когда убийца душил ее, а следы его пальцев есть у нее на шее и до сих пор. Как ни стремительно было совершено нападение, мы тоже не медлили и сразу же оказались перед разделявшей нас дверью.

Я встал и, подойдя к двери, еще раз весьма тщательно осмотрел ее. Выпрямившись, я развел руками:

– Вот если бы из двери можно было вынуть внутреннюю панель, не открывая самое дверь, задача была бы решена. Но увы, осмотр двери показывает, что гипотеза эта ошибочна. Дверь

---

⁶ Напоминаю читателям, что я лишь переписал сочинение письмоводителя, причем лишать его стиль присущих ему размаха и величия в мои намерения не входило.

толстая, дубовая и сделана так, что снять с нее ничего нельзя. Это ясно видно, несмотря на повреждения, сделанные, когда ее взламывали.

– О, это старая крепкая дверь из замка, которую перенесли сюда, – подтвердил папаша Жак. – Таких теперь уже не делают. Мы с нею справились с помощью этого лома, да и то лишь вчетвером – привратница тоже нам помогала, она ведь достойная женщина, господин следователь. Просто несчастье видеть их в такое время за решеткой!

Едва папаша Жак выразил таким образом свою жалость и протест, как раздался плач и сетования привратников. Я был глубоко возмущен. Даже если признать, что они невиновны, я не понимаю, как могут люди до такой степени терять голову перед лицом несчастья. В таких обстоятельствах спокойное, благоразумное поведение гораздо лучше любых слез и отчаяния, которые чаще всего лживы и лицемерны.

– Еще раз говорю, довольно кричать! – воскликнул г-н де Марке. – Лучше расскажите – это в ваших же интересах, – что вы делали под окнами павильона, когда вашу хозяйку убивали? Ведь когда папаша Жак встретил вас, вы были совсем рядом!

– Мы прибежали на помощь! – со вздохом отвечали супруги. А женщина между двумя всхлипами выкрикнула:

– Если б мы поймали этого убийцу, мы б его тут же прикончили!

Как мы ни старались, больше ничего осмысленного вытянуть из них не смогли. Они неистово все отрицали, призывали в свидетели Господа и всех святых, что услышали выстрел, когда лежали в постели.

– Но ведь выстрелов было два. Вы лжете: если вы слышали один, то должны были услышать и другой!

– Боже мой, господин следователь! Мы же услышали только второй! Во время первого выстрела мы, наверное, еще спали.

– Будьте покойны, стреляли два раза, – вмешался папаша Жак. – Я знаю точно, что мой револьвер был заряжен полностью, мы нашли две гильзы, две пули и слышали за дверью два выстрела. Верно ведь, господин Стейнджерсон?

– Да, – подтвердил профессор, – два выстрела: первый – приглушенный, второй – громкий.

– Почему вы продолжаете лгать? – вскричал г-н де Марке, повернувшись к привратникам. – Думаете, в полиции такие же глупцы, как вы сами? Все говорит за то, что в момент драмы вы были неподалеку от павильона. Что вы там делали? Не желаете говорить? Ваше молчание свидетельствует о соучастии в преступлении. Что же до меня, – продолжал он, обращаясь к г-ну Стейнджерсону, – я не могу объяснить исчезновение убийцы иначе как пособничеством этой пары. Как только дверь была взломана, вы сразу же занялись вашей несчастной дочерью, господин Стейнджерсон, а тем временем привратник и его жена помогли негодяю скрыться – он проскользнул позади них, добежал до окна передней и выскочил в парк. Привратник закрыл за ним окно и ставни. Не сами же они закрылись, в конце концов? Вот каково мое мнение. Если кто-нибудь думает иначе, пусть скажет.

Тут снова заговорил г-н Стейнджерсон:

– Это невозможно! Я не верю ни в виновность, ни в причастность к преступлению моих привратников, хотя и не понимаю, что они делали в парке так поздно ночью. Я говорю «невозможно» потому, что привратница все время стояла на пороге комнаты с лампой, и еще потому, что, как только дверь подалась, я опустился на колени перед телом дочери, и выйти из комнаты или войти в нее, не перешагнув через тело и не задев меня, было просто невозможно. Невозможно еще и потому, что папаше Жаку и привратнику достаточно было, как это сделал я, заглянуть в комнату и под кровать, чтобы убедиться: кроме моей умирающей дочери, там никого нет.

– Что вы думаете по этому поводу, господин Дарзак? Вы еще ничего не сказали, – поинтересовался следователь.

Г-н Дарзак ответил, что он ничего не думает.

– А вы, господин начальник полиции?

Начальник уголовной полиции г-н Дакс до этого времени лишь слушал да осматривал место происшествия. Наконец он соблаговолил процедить сквозь зубы:

– Чтобы найти преступника, нужно было бы прежде выяснить мотив преступления. Это бы несколько продвинуло нас вперед.

– Господин начальник полиции, похоже, что преступником двигали низкие инстинкты, – отозвался г-н де Марке. – Оставленные им следы, грубый платок, скверный берет заставляют думать, что преступник отнюдь не принадлежит к высшим сферам. Быть может, на этот счет что-нибудь скажут привратники?

Начальник полиции повернулся к г-ну Стейнджерсону и продолжал тем ледяным тоном, который, по моему мнению, присущ людям большого ума и твердого характера:

– Если я не ошибаюсь, мадемуазель Стейнджерсон собиралась выйти замуж?

Профессор горестно взглянул на Робера Дарзака.

– Да, за моего друга, которого я был бы счастлив назвать своим сыном, – за господина Дарзака.

– Мадемуазель Стейнджерсон уже гораздо лучше, и скоро она полностью оправится. Стало быть, бракосочетание просто отложено, не так ли, сударь? – настаивал начальник полиции.

– Надеюсь.

– Как! Вы в этом не уверены?

Г-н Стейнджерсон молчал. От меня не ускользает ничто, поэтому я заметил, как волнуется г-н Дарзак: дрожащей рукой он теребил цепочку часов. Г-н Дакс закашлялся – точно так же всегда поступает г-н де Марке, когда он смущен.

– Вы должны понимать, господин Стейнджерсон, – объяснил начальник полиции, – что в таком запутанном деле мы не можем пренебрегать ничем, мы обязаны знать даже самые мелкие и ничтожные подробности, касающиеся жертвы, даже то, что на первый взгляд кажется несущественным. Что же заставляет вас теперь, когда мы практически уверены, что мадемуазель Стейнджерсон выживет, сомневаться в возможности этого брака? Вы ведь ответили: «Надеюсь». Мне показалось, что в этих словах заключено некоторое сомнение. Откуда оно?

– Да, сударь, вы правы, – сделав над собою видимое усилие, проговорил г-н Стейнджерсон. – Будет лучше, если я вам все расскажу, иначе вы будете считать, что это очень важно. Я думаю, господин Дарзак согласится со мною.

Робер Дарзак, показавшийся мне в эту минуту неестественно бледным, кивнул. По-видимому, он ограничился кивком, потому что не мог вымолвить ни слова.

– Да будет вам известно, господин начальник полиции, – продолжал г-н Стейнджерсон, – что моя дочь поклялась всегда быть со мной и, как я ни склонял ее к замужеству, оставалась верна своей клятве. Господина Дарзака мы знаем уже много лет. Господин Дарзак любит мою дочь. Я имел счастье окончательно убедиться в этом, когда недавно дочь сама объявила, что согласна на брак, которого я желал больше всего на свете. Я, сударь, уже немолод, поэтому для меня величайшей радостью было узнать, что, когда я умру, рядом с дочерью будет находиться человек, весьма мною ценимый за его благородное сердце и большие знания, и что они будут любить друг друга и продолжать наше общее дело. Однако, господин начальник, за два дня до преступления, не знаю, по какой причине, дочь объявила мне, что не выйдет за господина Дарзака.

В комнате воцарилось тяжелое молчание. Минута была серьезная. Наконец г-н Дакс спросил:

– И мадемуазель Стейнджерсон ничего не объяснила, даже не намекнула на причину?

– Она сказала, что уже слишком стара, чтобы выходить замуж, что ждала слишком долго, что хорошо все взвесила, что ценит и даже любит господина Дарзака, но считает, что будет лучше, если все останется как есть, как было прежде, что она будет счастлива, если наша дружба с господином Дарзаком станет еще теснее, однако надеется, что больше не услышит о браке ни слова.

– Весьма странно! – пробормотал г-н Дакс.

– Да, странно, – повторил г-н де Марке.

– Тут вы мотива преступления не найдете, – с холодной бледной улыбкой сказал г-н Стейнджерсон.

– Как бы то ни было, мотив – не кража, – нетерпеливо возразил г-н Дакс.

– О, в этом мы уверены! – воскликнул следователь.

В этот миг дверь в лабораторию распахнулась, и бригадир жандармерии протянул следователю визитную карточку. Г-н де Марке прочел ее, что-то глухо буркнул и воскликнул:

– Ну это уж слишком!

– В чем дело? – спросил начальник полиции.

– Визитная карточка этого маленького репортера из «Эпок», господина Жозефа Рультабийля, и на ней слова: «Одним из мотивов преступления была кража».

– А, юный Рультабийль! – улыбнулся начальник полиции. – Я о нем слышан, говорят, он очень сметлив. Пусть войдет, господин следователь.

И Жозеф Рультабийль вошел. Я познакомился с ним в поезде, на котором мы этим утром приехали в Эпине-сюр-Орж. Несмотря на мои протесты, он проник в наше купе, и должен сразу сказать, что его развязные манеры и самомнение, с которым он делал вид, что понимает что-то в деле, для правосудия совершенно непонятном, мне определенно не понравились. И вообще, я не люблю журналистов. Это бестолковые и надоедливые люди, от которых следует бежать, словно от заразы. Они считают, что им все позволено, для них нет ничего святого. Этому на вид было лет двадцать; наглость, с которой он осмелился нас выпрашивать и спорить с нами, показалась мне омерзительной. К тому же его манера выражаться свидетельствовала о том, что он просто над нами насмехается. Мне прекрасно известно, что с газетой «Эпок» следует считаться, однако нанимать в сотрудники таких молокососов ей все-таки не следовало.

Итак, г-н Рультабийль вошел в лабораторию, поздоровался и выждал, когда г-н де Марке попросит его объясниться.

– Вы утверждаете, сударь, – сказал следователь, – что вам известен мотив преступления и что это, вопреки очевидности, не что иное, как кража?

– Нет, господин следователь, я вовсе этого не утверждал. Я не говорил, что мотив преступления – кража, и отнюдь так не думаю.

– Тогда что же означают слова, написанные вами на карточке?

– Они означают, что одним из мотивов преступления была кража.

– Что заставляет вас так думать?

– Если вы сообразовываете пройти со мной, я покажу.

Молодой человек попросил нас проследовать в переднюю, что мы и сделали. Там он подошел к туалетной комнате и предложил г-ну следователю стать рядом с ним на колени. Свет в эту комнату проникал сквозь застекленную дверь; когда же та была открыта, комната освещалась просто превосходно. Г-н де Марке и г-н Рультабийль стали на колени на пороге. Молодой человек указал на плитки, покрывавшие пол в туалетной комнате.

– Здесь папаша Жак пол не мыл, – сказал он, помолчав. – Это видно по слою пыли на плитках. А вот здесь видны следы больших подошв и черная пыль, сопутствующая им повсюду. Это угольная пыль с тропинки, которую нужно пересечь, если идти напрямик через лес из Эпина в Гландье. Вам известно, что там есть небольшая хижина угольщиков, заготавливающих

древесный уголь в больших количествах. Так вот, убийца проник в павильон во второй половине дня, когда тут никого не было, и совершил кражу.

– Но какую кражу? Где вы увидели кражу? Что украдено? – одновременно вскричали мы.

– На мысль о краже меня навело... – продолжал журналист.

– Вот это! – прервал г-н де Марке, все еще стоя на коленях.

– Разумеется, – подтвердил г-н Рультабийль.

Г-н де Марке пояснил нам, что на запыленных плитках рядом с отпечатками подошв есть след большого прямоугольного свертка, и даже можно различить следы связывавшей его бечевки.

– Но как вы-то проникли сюда, господин Рультабийль? Я же приказал папаше Жаку никого не пускать и стеречь павильон!

– Не сердитесь на папашу Жака: я был здесь вместе с господином Дарзаком.

– Ах вот что! – недовольно воскликнул г-н де Марке, бросив взгляд на молчавшего г-на Дарзака.

– Увидев рядом с отпечатками подошв след от пакета, в краже я больше не сомневался, – продолжал г-н Рультабийль. – Не принес же вор этот сверток с собой! Он сделал его здесь из украденных вещей и положил в этот уголок с намерением забрать на обратном пути. Кроме того, рядом со свертком он оставил свои грубые башмаки; взгляните, следы сюда не ведут, а отпечатки подошв расположены рядышком, как будто человек разулся и поставил башмаки сюда. Теперь понятно, почему, убегая из Желтой комнаты, преступник не оставил следов ни в лаборатории, ни в передней. Проникнув в башмаках в Желтую комнату, он, конечно, их снял, так как они ему мешали или чтобы поменьше шуметь. Следы, оставленные преступником, когда он проходил по передней и лаборатории, смыл потом папаша Жак, откуда мы делаем вывод, что преступник влез в домик через окно передней в то время, когда папаша Жак в первый раз вышел из домика, перед тем как помыть пол, то есть около половины шестого.

Убийца, сняв мешавшие ему башмаки, отнес их в туалетную комнату и оставил у порога – ведь на пыльном ее полу нет следов босых ног, или ног в носках, или в какой-либо другой обуви. Итак, он поставил башмаки рядом со свертком – кража к этому моменту уже была совершена. Потом он вернулся в Желтую комнату и залез под кровать – за это говорят следы на полу и смятая в одном месте циновка. Некоторые соломинки на ней даже сдвинулись, когда он проползал под кровать.

– Да, да, мы все это знаем, – вставил г-н де Марке.

– Так вот, то обстоятельство, что преступник залез под кровать, доказывает, что кража была не единственной причиной его появления в павильоне, – продолжал этот удивительный юнец. – Только не говорите мне, что он скрылся там, заметив из окна прихожей возвращавшегося папашу Жака или господина и мадемуазель Стейнджерсон. В этом случае ему было бы гораздо проще забраться на чердак и, спрятавшись там, дожидаться удобного момента и убежать. Нет, у него были другие планы, требовавшие его присутствия в Желтой комнате.

В этом месте г-на Рультабийля перебил начальник полиции:

– Неплохо, весьма неплохо, молодой человек. Поздравляю! Если мы пока и не знаем, как преступник отсюда скрылся, нам по крайней мере ясно, как он сюда проник, а также то, что он совершил здесь кражу. Но что же он украл?

– Чрезвычайно ценные вещи, – ответил репортер.

В этот миг из лаборатории раздался крик. Поспешив туда, мы увидели г-на Стейнджерсона: с блуждающим взглядом он дрожащей рукой указывал на книжный шкаф, который только что открыл. Шкаф был пуст. Г-н Стейнджерсон упал в большое кресло, стоявшее подле письменного стола, и простонал:

– Так, значит, меня еще и обокрали...

На щеке у него показалась крупная слеза.

– Только ни в коем случае, – взмолился он, – не говорите об этом дочери. Она огорчится еще больше моего. – Он глубоко вздохнул и добавил голосом, в котором слышалась такая горечь, что я не забуду этого никогда: – Какое мне до этого дело, лишь бы она жила.

– Она будет жить! – необычайно трогательно воскликнул г-н Дарзак.

– А украденное мы отыщем, – добавил г-н Дакс. – Но что находилось в этом шкафу?

– Двадцать лет моей или, скорее, нашей с дочерью жизни, – глухо ответил прославленный профессор. – Да, здесь я держал наиболее ценные бумаги, наиболее секретные отчеты о наших опытах и трудах за двадцать лет. Тут была подборка самых важных документов из всех, что находятся в этой комнате. Это невосполнимая потеря для нас и, возьму на себя смелость сказать, для науки. Все этапы, которые я проходил на пути к доказательству распада материи, были нами тщательно изложены на бумаге, снабжены аннотациями, фотографиями и рисунками. Все это находилось здесь. Схемы трех наших новых приборов; один из них – для изучения разряда предварительно наэлектризованных тел под действием ультрафиолетового излучения, другой – для выявления электрического разряда под действием частиц материи, которые рассеяны в газах, образующихся при сгорании, и третий – новый, чрезвычайно сложный дифференциальный электроскоп; целый комплект графиков, описывающих основные свойства субстанции, являющейся промежуточным звеном между весомой материей и невесомым эфиром; результаты двадцатилетних опытов по внутриатомной химии и по неизвестным доселе равновесным состояниям вещества; рукопись, которую я хотел опубликовать под названием «Стойкость металлов». Да что теперь говорить! Этот человек отнял у меня все: дочь и работу, сердце и душу...

Г-н Стейнджерсон разрыдался, словно ребенок. Мы молча стояли вокруг, подавленные его скорбью. Г-н Дарзак, облокотившись о спинку кресла, в котором сидел профессор, пытался его утешить, что сразу вызвало у меня симпатию к его особе, несмотря на то что мне не нравилось его странное поведение и необъяснимое порою волнение.

Один г-н Рультабийль, державшийся, словно его миссия на земле не позволяла ему тратить драгоценное время на сочувствие человеческому несчастью, спокойно подошел к пустому шкафу и, указав на него начальнику полиции, нарушил благоговейное молчание, хранимое нами в знак уважения к отчаянию великого г-на Стейнджерсона. Он объяснил – и нам оставалось лишь поверить его объяснениям, – что следы, найденные им в туалетной комнате, и пустой шкаф свидетельствуют о том, что здесь была совершена кража. Он сказал, что стоило ему войти в лабораторию, как его поразил этот шкаф – необычайной формой, прочностью металлической конструкции, защищающей содержимое от огня, а также тем, что в этом шкафу, предназначенном для надежного хранения вещей и документов, торчал ключ. Несгораемые шкафы, как правило, держат закрытыми, пояснил г-н Рультабийль. Вот этот-то ключ с затейливой медной головкой и приковал к себе его внимание, а нашу бдительность, напротив, усыпил. Все мы отнюдь не дети, и нам при виде ключа, торчащего из замочной скважины, приходит в голову мысль о том, что содержимое шкафа надежно спрятано, тогда как гениального Рультабийля это заставило подозревать кражу. Причины его подозрений не замедлили проявиться.

Однако прежде чем я о них поведаю, должен упомянуть, что г-н де Марке показался мне весьма смущенным, поскольку не знал, должен ли он ликовать по поводу помощи, оказанной молодым репортером следствию, или же печалиться, что сделал это не он сам. В нашей профессии такие огорчения нередки, но мы не имеем права проявлять малодушие и обязаны ради общего блага наступать на горло собственному самолюбию. Поэтому г-н де Марке выразил свою радость и присоединился к поздравлениям, которые г-н Дакс адресовал г-ну Рультабийлю. Юнец пожал плечами, пробормотав что-то вроде: «Не за что». Мне очень захотелось отвесить ему оплеуху, особенно когда он прибавил:

– Лучше бы вы, сударь, спросили у господина Стейнджерсона, у кого обычно хранился ключ.

– У дочери, – ответил г-н Стейнджерсон. – Она никогда с ним не расставалась.

– Но это меняет дело и не укладывается в версию господина Рультабийля! – вскричал г-н де Марке. – Если мадемуазель Стейнджерсон не расставалась с ключом, значит, в ту ночь преступник дожидался ее в Желтой комнате, чтобы похитить ключ, и, стало быть, кража совершена после покушения. Однако после покушения в лаборатории находились четверо. Я решительно ничего не понимаю! – И г-н де Марке повторил с невероятной страстью, указывающей, что он на вершине блаженства (не помню, говорил ли я уже, что он испытывал счастье, когда ничего не знал): – Решительно ничего!

– Кража могла быть совершена только до преступления, – ответил репортер. – Это несомненно – по причинам, известным вам, а также по другим причинам, известным мне. Когда преступник проник в павильон, ключ с медной головкой у него уже был.

– Это невозможно, – мягко возразил г-н Стейнджерсон.

– Возможно, сударь, и вот тому доказательство.

С этими словами маленький чертенок вынул из кармана номер «Эпок» за 21 октября (напоминаю, что преступление было совершено в ночь с 24-го на 25-е) и прочитал вслух следующее объявление:

– «Вчера в универсальном магазине «Лувр» была потеряна дамская сумочка из черного атласа. Среди прочего в ней находился ключ с медной головкой. Нашедшему сумочку будет выплачено крупное вознаграждение. Он должен обратиться письменно в почтовое отделение номер сорок, до востребования, на имя М.А.Т.С.Н.».

Не указывают ли эти буквы, – продолжал репортер, – на Матильду Стейнджерсон? Не об этом ли ключе с медной головкой идет речь? Я всегда прочитываю в газетах объявления. В моей профессии, так же как и в вашей, господин следователь, необходимо читать мелкие частные объявления. Сколько интриг там можно найти! И сколько к этим интригам ключей – не обязательно с медной головкой, но все равно любопытных. Это объявление поразило меня тем, что женщина, потерявшая ключ – вещь, вовсе не компрометирующую, окутывает это обстоятельство такой таинственностью. Как ей нужен этот ключ! Она же обещает за него крупное вознаграждение. Я занялся этими пятью буквами: М.А.Т.С.Н. Первые три навели меня на имя. «Очевидно, – подумал я, – «МАТ» означает имя Матильда. Женщину, потерявшую сумочку с ключом, зовут Матильдой». Но с остальными двумя буквами я ничего поделать не смог. Тогда я отбросил газету и занялся другими делами. А когда через четыре дня появились газеты с набранными крупным шрифтом заголовками о покушении на мадемуазель Матильду Стейнджерсон, мне сразу же вспомнились буквы из объявления. Несколько озадаченный, я попросил в редакции тот номер, так как позабыл две последние буквы: С и Н. Увидев их, я не сдержался и воскликнул: «Стейнджерсон!» Я тотчас вскочил в экипаж и поехал в сороковое почтовое отделение. Там я поинтересовался, нет ли у них письма для адресата, скрывающегося под буквами М.А.Т.С.Н. Служащий ответил отрицательно. Когда же я стал настаивать, чтобы он поискал получше, он сказал: «Да вы, сударь, смеетесь надо мной! Действительно, у меня было такое письмо, но три дня назад я отдал его даме, явившейся за ним. Сегодня за этим письмом являетесь вы. А позавчера его требовал с такой же настойчивостью еще какой-то господин. Довольно с меня этих розыгрышей!» Я хотел было расспросить его о тех, кто приходил за письмом, но то ли он вспомнил о профессиональной тайне, видимо, решив, что и так сказал слишком много, то ли в самом деле счел, что шутка зашла слишком далеко; как бы там ни было, больше он ничего не сказал.

Рультабийль замолчал. Молчали и мы. Каждый в меру своих сил делал выводы из этой странной истории с письмом до востребования. Теперь всем казалось, что появилась довольно прочная нить, ухватившись за которую можно будет распутать это непонятное дело. Наконец г-н Стейнджерсон вымолвил:

– Да, почти наверняка моя дочь потеряла ключ, не сказала мне об этом, чтобы меня не беспокоить, и попросила нашего написать ей до востребования. Она, по-видимому, полагала, что если даст наш адрес, то действия нашего могут быть таковы, что я узнаю о потере. Все весьма логично и естественно. Тем более что один раз меня уже обокрали.

– Где? Когда? – спросил начальник полиции.

– О, это было много лет назад, в Америке, в Филадельфии. Из моей лаборатории похитили секрет двух изобретений, которые могли бы иметь большой успех. Я не только не узнал, кто был похитителем, но больше не слышал об украденном – явно потому, что с целью расстроить планы грабителя я сам опубликовал эти изобретения и тем самым его обезоружил. Именно после этого я стал подозрителен и надежно скрываюсь ото всех во время работы. Все эти решетки на окнах, уединенность самого павильона, шкаф, сделанный по моему заказу, специальный замок и ключ – все это результат моих опасений, продиктованных печальным опытом.

Г-н Дакс заявил, что все это весьма любопытно, а г-н Рультабийль принялся расспрашивать о сумочке. Выяснилось, что ни г-н Стейнджерсон, ни папаша Жак уже несколько дней ее не видели. Через несколько часов нам предстояло узнать от самой м-ль Стейнджерсон, что сумочку она действительно потеряла или ее украли, что все было так, как рассказал ее отец, что 23 октября она отправилась в почтовое отделение номер сорок и что там ей выдали письмо, оказавшееся дурной шуткой. Письмо это она тут же сожгла.

Вернемся, однако, к допросу или, точнее, к нашей «беседе». Начальник полиции спросил г-на Стейнджерсона, при каких обстоятельствах его дочь отправилась в Париж 20 октября, в день потери сумочки. Тот сказал, что она поехала в столицу вместе с г-ном Дарзаком, который появился затем в замке лишь на следующий день после преступления. То обстоятельство, что г-н Дарзак был вместе с м-ль Стейнджерсон в магазине, когда пропала сумочка, не могло пройти незамеченным и обратило на себя наше внимание.

Разговор между следователем, начальником полиции, задержанными, свидетелями и журналистом уже подходил к концу, когда, к великому удовольствию г-на де Марке, произошла большая неожиданность. Вошел бригадир жандармерии и объявил, что Фредерик Ларсан просит позволения войти. Позволение было незамедлительно дано. Г-н Ларсан вошел и бросил на пол пару грубых, заляпанных грязью башмаков.

– Вот башмаки, в которые был обут убийца! Узнаете, папаша Жак?

Папаша Жак склонился над источавшей зловоние парой обуви и с удивлением признал в ней свои старые башмаки, которые уже в течение некоторого времени лежали на чердаке, в углу, в куче всякого хлама. Старик был так обеспокоен, что даже высморкался, чтобы скрыть свое замешательство. Тогда, показав на платок в руках у папаши Жака, Фредерик Ларсан произнес:

– Этот платок удивительно похож на тот, что найден в Желтой комнате.

– Да, я знаю, – дрожа, пробормотал папаша Жак, – они вроде одинаковые.

– К тому же, – продолжал сыщик, – старый баскский берет, тоже найденный в Желтой комнате, мог бы с успехом украшать голову папаши Жака. Все это, по-моему, доказывает – да успокойтесь же, папаша Жак! – что преступник прибегнул к маскировке. Сделал он это довольно грубо, или так, во всяком случае, нам кажется, поскольку мы уверены, что преступник – не папаша Жак, не покидавший мадемуазель Стейнджерсон. Но представьте, что было бы, если бы господин Стейнджерсон не задержался в тот вечер в павильоне дольше обычного, а вернулся бы в замок; дочь его, оставшись одна в лаборатории, была бы убита, а папаша Жак спал бы у себя на чердаке. В таком случае никто не сомневался бы, что он и есть убийца! Спасением своим он обязан лишь тому, что драма произошла слишком поздно, когда из-за тишины, царившей в павильоне, убийца решил, что в лаборатории никого нет и настал момент действовать. Человек, который сумел столь незаметно проникнуть сюда и подготовить столько

улик против папаши Жака, несомненно, хорошо знал дом и его обитателей. В котором часу он сюда проник? В полдень? Вечером? Не берусь сказать. Человек, так хорошо все здесь знавший, мог проникнуть сюда в любое время.

– Но не мог же он войти, когда в лаборатории находились люди? – вскричал г-н де Марке.

– Как знать? Как знать? – отозвался Ларсан. – В лаборатории обедали, прислуга ходила туда-сюда. Между десятью и одиннадцатью проводился химический опыт, господин Стейнджерсон, его дочь и папаша Жак стояли у печи, в этом углу. Кто возьмется утверждать, что преступник – а ему все было хорошо известно! – не воспользовался этим моментом, чтобы проскользнуть в Желтую комнату, предварительно разувшись в туалете?

– Это маловероятно! – возразил г-н Стейнджерсон.

– Разумеется, но ведь возможно. Да я ничего и не утверждаю. Другое дело – как он скрылся. Как ему удалось убежать? Самым естественным образом!

Фредерик Ларсан на мгновение умолк. Мгновение это показалось нам очень долгим. Со вполне понятным волнением мы ждали, когда он заговорит снова.

– Я не входил в Желтую комнату, – опять наконец зазвучал голос Ларсана, – но думаю, что вы убедились: он мог выйти оттуда только через дверь. Через нее преступник и вышел. Поскольку ничто другое невозможно, значит, так оно и было. Он совершил преступление и вышел через дверь. Но когда? Тогда, когда ему это было удобнее всего, в наиболее благоприятный для этого момент – настолько благоприятный, что другого объяснения просто нет. Давайте же посмотрим, что происходило после преступления. Момент первый – когда перед дверью находились господин Стейнджерсон и папаша Жак, готовые преградить преступнику путь. Второй – когда папаша Жак на время вышел и перед дверью находился один господин Стейнджерсон. Третий – когда к господину Стейнджерсону присоединился привратник. Четвертый – когда у двери находились господин Стейнджерсон, привратник, его жена и папаша Жак. И пятый – когда, взломав дверь, люди проникли в Желтую комнату. Самый благоприятный момент для бегства преступника – это когда у двери было меньше всего народу. Так вот: был момент, когда у дверей находился один человек – господин Стейнджерсон. В молчаливое соучастие папаши Жака я не верю, так как он не стал бы выбегать из павильона, чтобы осмотреть снаружи окно Желтой комнаты, если бы видел, как преступник вышел через дверь. Стало быть, когда господин Стейнджерсон находился у двери в одиночестве, она открылась и убийца вышел. Тут необходимо признать, что у господина Стейнджерсона были весьма веские основания не задерживать преступника, а, напротив, позволить ему дойти до окна и закрыть за ним это окно. Но папаша Жак вот-вот должен был вернуться; поэтому, для того чтобы он застал все в прежнем состоянии, тяжело раненная мадемуазель Стейнджерсон, вняв мольбам отца, нашла в себе силы снова запереть дверь Желтой комнаты на ключ и задвижку, после чего без чувств рухнула на пол. Мы не знаем, кто совершил преступление, не знаем, от руки какого негодяя пали жертвой господин и мадемуазель Стейнджерсон, но они-то знают – в этом нет никаких сомнений. Это настолько страшная тайна, что отец не задумываясь оставил за дверью умирающую дочь и позволил убийце скрыться. Иначе объяснить его бегство из Желтой комнаты просто невозможно.

В молчании, которое последовало за этим драматическим и блестящим объяснением, таилось нечто ужасное. Мы чувствовали боль за прославленного профессора: безжалостная логика Фредерика Ларсана вынуждала его открыть мучительную правду или молчать, что было еще мучительнее. И тут этот человек, живое воплощение страдания, поднялся и простер руку жестом столь торжественным, что мы все склонили головы, как перед чем-то священным. Громким голосом, в который он, казалось, вложил все свои силы, профессор отчеканил:

– Клянусь жизнью моей умирающей дочери, что с той секунды, как я услышал ее призывы о помощи, я ни на миг не отходил от двери. Клянусь, что дверь эта не открывалась, когда я

оставался один в лаборатории. Клянусь, что, когда трое моих слуг и я проникли в Желтую комнату, убийцы там не было. Клянусь, что преступник мне неизвестен!

Стоит ли говорить, что, несмотря на всю торжественность этой клятвы, словам г-на Стейнджерсона мы не поверили? Фредерик Ларсан дал нам надежду узнать правду, и терять ее так быстро нам не хотелось.

Г-н де Марке объявил, что наша «беседа» закончена, и мы готовы уже были покинуть лабораторию, как вдруг репортер, этот мальчишка Рультабийль, подошел к г-ну Стейнджерсону, с великим почтением пожал ему руку и до меня донеслись его слова:

– Я верю вам, сударь!»

На этом я кончаю цитировать – мне казалось, что без этого не обойтись, – повествование г-на Малена, письмоводителя суда в Корбейле. По-видимому, нет нужды сообщать читателю, что обо всем происшедшем в лаборатории мне немедленно и точно рассказал сам Рультабийль.

Глава 12

Трость Фредерика Ларсана

Я рассчитывал уехать из замка только около шести, взяв с собой статью, в спешке написанную моим другом в небольшой гостиной, которую г-н Дарзак предоставил в наше распоряжение. Репортер собирался ночевать в замке, воспользовавшись необъяснимым гостеприимством Робера Дарзака: в эти тяжелые дни г-н Стейнджерсон препоручил ему все домашние хлопоты. Тем не менее Рультабийль вызвался проводить меня до вокзала в Эпине. Когда мы шли по парку, он сказал:

– Фредерик Ларсан и впрямь очень умен, репутация у него не дутая. Знаете, как ему удалось отыскать башмаки папаши Жака? Рядом с местом, где мы заметили следы изящных штиблет и где исчезли следы грубых башмаков, обнаружилась прямоугольная вмятина в земле, свидетельствующая о том, что недавно там лежал камень. Ларсан стал искать этот камень, не нашел и тут же сообразил, что им воспользовался преступник, чтобы утопить в пруду башмаки, от которых он хотел избавиться. Расчет Фреда оказался верен, что и доказал успешный поиск. Я об этом не подумал, но должен сказать, что мыслями я уже был в другом месте, поскольку по большому числу следов пребывания убийцы в павильоне, а также по совпадению следов, покрытых черной пылью, со следами папаши Жака, рисунок которых я сделал без его ведома в Желтой комнате, я понял, что преступник хотел бросить подозрение на старика слугу. Именно это и позволило мне сказать ему, если вы помните, что найденный в этой несчастной комнате берет должен напоминать его собственный, и описать найденный там платок – он должен был походить на тот, которым папаша Жак при мне воспользовался. До сих пор мы с Ларсаном рассуждали одинаково, но дальше наши пути разошлись, и это ужасно: он совершенно искренне впадает в заблуждение, и мне придется поэтому сражаться впустую.

Я был удивлен, с каким нажимом мой молодой друг произнес последние слова. Он повторил:

– Но верно ведь: сражаться с выдумками – это и есть сражаться впустую!

Мы как раз проходили позади замка. Наступила ночь. Одно из окон на втором этаже было приоткрыто. Из него сочился слабый свет и слышались какие-то звуки, привлечшие наше внимание. Мы пошли вперед, пока не уткнулись в дверь, расположенную прямо под окном. Рультабийль шепнул мне, что это окно комнаты м-ль Стейнджерсон. Звуки, привлечшие наше внимание, на секунду замолкли, потом послышались вновь. В комнате кто-то глухо стонал. Нам удалось различить только три слова: «Бедный мой Робер!» Рультабийль положил руку мне на плечо и прошептал прямо в ухо:

– Знать бы, о чем говорят в комнате, расследование длилось бы недолго. – Он осмотрелся; в густой тьме была видна лишь крохотная лужайка, окаймленная деревьями. Стоны опять смолкли. – Раз нельзя услышать, можно попытаться хотя бы посмотреть...

Сделав знак, чтобы я ступал потише, Рультабийль потащил меня через лужайку к березе, ствол которой белел во мраке. Росла она как раз напротив интересовавшего нас окна, а нижние ее ветви находились примерно на уровне второго этажа. Сидя на одной из них, можно было легко увидеть, что происходит в комнате м-ль Стейнджерсон. Именно об этом и подумал Рультабийль: приказав мне сидеть тихо, он обхватил ствол березы своими молодыми крепкими руками и полез. Вскоре он пропал среди ветвей, и наступила тишина.

Приоткрытое окно напротив меня все еще светило, никакие тени там не мелькали. Было тихо. Я ждал. Внезапно сверху до меня донеслись слова:

– После вас!

– Нет, сперва вы, прошу вас!

Наверху, среди ветвей, Рультабийль с кем-то учтиво разговаривал. Каково же было мое изумление, когда на гладком стволе дерева я различил две человеческие фигуры, которые вскоре спустились на землю. Рультабийль влез на дерево один, а спустился с кем-то вдвоем!

– Добрый вечер, господин Сенклер!

Это был Фредерик Ларсан. Когда мой юный друг решил занять наблюдательный пост, полицейский уже сидел наверху. Впрочем, ни тот ни другой не обращали на мое удивление никакого внимания. Из их разговора я понял, что, сидя там, на дереве, они оказались свидетелями сцены, полной нежности и отчаяния: м-ль Стейнджерсон лежала пластом на постели, а г-н Дарзак стоял на коленях у ее изголовья. Однако же выводы из этой сцены наблюдавшие сделали совершенно различные. Легко было предположить, что на Рультабийля она произвела сильное впечатление в пользу Робера Дарзака, тогда как Ларсан счел ее чистым лицемерием со стороны жениха м-ль Стейнджерсон.

Когда мы добрались до ворот парка, Ларсан вдруг остановился.

– Моя трость! – вскричал он.

– Вы забыли трость? – спросил Рультабийль.

– Да, – ответил полицейский, – я оставил ее там, у дерева.

Уверив нас, что сию же секунду вернется, он ушел.

– А вы обратили внимание на трость Фредерика Ларсана? – поинтересовался репортер, когда мы остались одни. – Она совсем новая, раньше я у него ее не видел. Похоже, она ему очень нравится – он с нею не расстается. Можно подумать, что он боится, как бы она не попала в чужие руки. Ларсан ведь никогда не ходил с тростью. Интересно, где он ее раздобыл? Это весьма странно: человек трости в руки не брал, а теперь, на следующий день после преступления в Гландье, шагу ступить без нее не может. Когда мы подходили в первый раз к замку и Фред нас заметил, он сунул часы в карман и поднял трость с земли – жест, на который мне, видимо, следовало уже тогда обратить внимание.

Мы вышли из парка, Рультабийль замолчал. Мысли его явно все еще вертелись вокруг трости Фредерика Ларсана. Так оно и было: уже на подходе к Эпине он сказал:

– Ларсан приехал в Гландье раньше меня, раньше меня начал расследование. У него было время узнать что-то, чего я не знаю, и найти что-то, о чем мне неизвестно. Интересно, где он отыскал эту трость? – Журналист помолчал и добавил: – Очень возможно, что подозрения, то есть даже не подозрения, а рассуждения, приведшие его прямо к Роберу Дарзаку, основаны на чем-то, что для него очевидно, а для меня – нет. Может, дело в этой трости? Где же он мог наткнуться на эту чертову трость?

В Эпине мы узнали, что поезд придет через двадцать минут, и зашли в привокзальный кабачок. Почти сразу же дверь снова распахнулась, и появился Фредерик Ларсан, размахивая пресловутой тростью.

– Нашел! – улыбнувшись, объявил он.

Мы втроем сели за столик. Рультабийль не спускал глаз с трости и не заметил, как Ларсан подал условный знак железнодорожному служащему – молодому человеку, чье лицо украшала несколько всклокоченная белокурая борода. Тот встал, расплатился и вышел. Я не придавал бы этому никакого значения, однако несколько дней спустя, в одну из самых драматических минут этой истории, я вновь увидел эту белокурую бородку и тотчас же вспомнил ее. Я понял, что ее обладатель – человек Ларсана, которому было поручено следить за людьми, появляющимися на вокзале Эпине-сюр-Орж: Фредерик Ларсан не упускал ничего, что, по его мнению, могло оказаться для него полезным.

Я перевел взгляд на Рультабийля.

– А, господин Фред! – воскликнул он. – Скажите, давно у вас эта тросточка? Я привык, что вы ходите, засунув руки в карманы.

– Мне ее подарили, – ответил полицейский.

– По-видимому, недавно? – продолжал настаивать Рультабийль.

– Мне ее подарили в Лондоне.

– Верно, вы ведь только что из Лондона, господин Фред. А можно на нее взглянуть?

– Почему же нет?

Фред подал трость Рультабийлю. Это была внушительная бамбуковая трость, загнутую ручку которой украшало золотое кольцо. Рультабийль внимательно ее осмотрел.

– Любопытно, – насмешливо произнес репортер, – в Лондоне вам подарили французскую трость!

– Возможно, – невозмутимо бросил Фред.

– Смотрите, здесь написано мелкими буквами: «Кассетт, 6-а, площадь Оперы».

– Посылают же некоторые стирать свое белье в Лондон. Почему бы англичанам не покупать трости в Париже?

Рультабийль вернул трость хозяину. Зайдя вместе со мною в купе, он спросил:

– Адрес запомнили?

– Да: «Кассетт, 6-а, площадь Оперы». Положитесь на меня, завтра утром я сообщу.

Тем же вечером я повидал г-на Кассетта, торговца зонтами и тростями, и написал своему другу следующее:

«Человек, по приметам очень похожий на г-на Дарзака – тот же рост, сутуловатый, с такою же округлой бородкой, в бежевом пальто и котелке, около восьми того вечера, когда было совершено преступление, купил трость, похожую на ту, о которой идет речь. Г-н Кассетт не продавал такой трости уже года два. У Фреда трость новая. Похоже, это та самая. Купил ее не Фред, так как он находился в Лондоне. Я, как и вы, полагаю, что он подобрал ее где-то неподалеку от г-на Дарзака. Но если, как вы утверждаете, убийца пробыл в Желтой комнате пять или даже шесть часов, а драма произошла около полуночи, покупка трости – неопровержимое алиби для г-на Дарзака».

Глава 13

«Дом священника все так же очарователен, а сад все так же свеж...»

Через неделю после описанных мною событий, а именно 2 ноября, ко мне в Париж пришла телеграмма следующего содержания: «Приезжайте Гландье ближайшим поездом тчк Захватите револьверы тчк Привет тчк Рультабийль».

Мне кажется, я уже упоминал, что в то время, будучи начинающим адвокатом и почти не ведя дел, я посещал Дворец правосудия скорее для того, чтобы познакомиться со своими профессиональными обязанностями, нежели для защиты какой-либо вдовы или сиротки. Поэтому я не удивился, что Рультабийль столь свободно распоряжается моим временем, тем более что ему было известно, насколько живое участие я принимаю в его журналистских похождениях вообще и в деле, имевшем место в Гландье, в частности. Уже неделю ничего нового я о нем не знал, если не считать бесчисленных рассказней, печатавшихся в газетах, да нескольких коротеньких заметок самого Рультабийля в «Эпок». В них, в частности, он рассказывал об ударе кастетом: анализ следов на нем показал, что это человеческая кровь. Свежие следы были следами крови м-ль Стейнджерсон, старые же свидетельствовали о давних преступлениях, совершенных, возможно, много лет назад.

Можете себе представить, сколько места газеты всего мира уделяли этому делу. Никогда еще преступление не занимало такое множество умов. Вместе с тем у меня создалось впечатление, что следствие топчется на месте; поэтому я был бы весьма рад приглашению моего друга приехать в Гландье, если бы телеграмма не содержала упоминания о револьверах.

Вот что меня насторожило. Коль скоро Рультабийль просит захватить револьверы, значит, он предполагает, что ими придется воспользоваться. А я, признаюсь честно, отнюдь не герой. Но делать нечего: мой друг попал в переплет и зовет меня на помощь! Поэтому, не колеблясь ни секунды, я проверил, заряжен ли мой собственный револьвер, и отправился на Орлеанский вокзал. По дороге, вспомнив, что Рультабийль написал слово «револьвер» во множественном числе, а у меня он только один, я заехал в оружейную лавку и купил великолепный маленький револьвер, радуясь, что смогу преподнести его своему другу.

Я надеялся, что Рультабийль будет встречать меня на вокзале в Эпине, но его там не было. Однако меня ждал экипаж, и вскоре я оказался в Гландье. У ворот – никого, и лишь на пороге замка я увидел молодого человека. Он помахал мне рукой и тут же заключил меня в объятия, с большим участием поинтересовавшись состоянием моего здоровья.

Проведя меня в крохотную старинную гостиную, о которой я уже упоминал, Рультабийль предложил мне сесть и выпалил:

– Дело плохо!

– Что плохо?

– Все! – И, пододвинувшись поближе, он шепнул мне на ухо: – Фредерик Ларсан взялся за Робера Дарзака всерьез.

Это меня ничуть не удивило: я помнил, как побледнел жених м-ль Стейнджерсон при виде своих следов. Не раздумывая ни секунды, я спросил:

– А трость?

– Трость? Все еще у Фредерика Ларсана, он с нею не расстанется.

– Но... разве она не составляет алиби для Робера Дарзака?

– Нимало. Я его деликатно расспросил: он отрицает, что в тот или в какой-либо другой вечер покупал трость у Кассетта. Как бы то ни было, я уже ни за что не поручусь, потому что господин Дарзак о чем-то умалчивает, да так странно, что не знаешь, что и думать.

– Похоже, для Фредерика Ларсана трость эта весьма ценна как улика. Только вот почему? Судя по времени, когда ее купили, она никак не могла оказаться в руках преступника.

– Время покупки Ларсана не смутит. Раз он не обязан придерживаться моих рассуждений относительно того, что преступник проник в Желтую комнату между пятью и шестью, ничто не мешает ему думать, что это случилось между десятью и одиннадцатью. В это время господин и мадемуазель Стейнджерсон проводили с помощью папаши Жака интересный химический опыт и стояли рядом с печью. Вот Ларсан и заявит, что убийца проскользнул позади них, хоть это и может показаться совершенно невероятным. Он, кстати, уже упоминал следователю об этом. При ближайшем рассмотрении это соображение представляется нелепым, тем более что «свой человек» – если он действительно был «свой» – знал, что профессор вскоре уйдет из павильона и потому гораздо безопаснее начать задуманное после его ухода. Зачем ему было рисковать и идти через лабораторию, пока там находился профессор? И потом: когда, интересно знать, этот «свой человек» проник в павильон? Сначала нужно ответить на эти вопросы, а потом уж верить выдумкам Ларсана. Я-то тратить время на это не собираюсь: мои неопровержимые логические рассуждения просто не позволяют мне забивать голову подобными выдумками. Только вот я вынужден временно молчать, а Ларсан порою говорит... Все это могло бы кончиться тем, что господин Дарзак оказался бы виновным... Но я здесь! – с гордостью добавил молодой человек. – Ведь против Дарзака есть и другие улики, не менее страшные, чем эта история с тростью, которую я никак не могу понять, тем более что Ларсан не стесняется показываться с тростью перед Робером Дарзаком, вроде бы истинным ее владельцем. В версии Ларсана мне понятно многое, но только не трость.

– А Ларсан все еще в замке?

– Да, сидит безвылазно. Как и я, ночует здесь по просьбе господина Стейнджерсона. Господин Стейнджерсон поступил с ним так же, как со мною Робер Дарзак. Фредерик Ларсан обвинил его в том, что он знает убийцу и позволил ему сбежать, а господин Стейнджерсон сделал для него все возможное, чтобы тот мог открыть правду. Так же отнесся ко мне и господин Дарзак.

– Но сами-то вы убеждены в невиновности Робера Дарзака?

– На какое-то время я поверил в то, что виновный – он. Это было, когда мы приехали сюда впервые. Видно, пришла пора рассказать вам, что произошло тогда между Робером Дарзаком и мной.

Тут Рультабийль прервал свою речь и спросил, привез ли я оружие. Я показал ему револьверы. Он их осмотрел, похвалил и вернул.

– Неужели они нам понадобятся? – спросил я.

– Обязательно, сегодня же вечером. Мы ночуем здесь. Это вам неприятно?

– Ну что вы! – возразил я с таким выражением лица, что Рультабийль рассмеялся.

– Впрочем, довольно смеяться, – оборвал он себя. – Сейчас нам не до смеха. Поговорим серьезно. Вы помните фразу, которая, словно «Сезам, откройся», отворила нам этот полный тайн замок?

– Еще бы, – ответил я, – прекрасно помню: «Дом священника все так же очарователен, а сад все так же свеж». Она же была на полуобгоревшем листке, что вы нашли в лаборатории.

– Да, причем пламя не тронуло дату «23 октября», стоявшую внизу. Запомните ее – она чрезвычайно важна. А сейчас я вам расскажу, что означает эта нелепая фраза. Не знаю, известно ли вам, что накануне преступления, 23 октября, господин и мадемуазель Стейнджерсон отправились на прием в Елисейский дворец. По-моему, они присутствовали и на обеде. Во всяком случае, на прием они остались точно, поскольку я их там видел. Сам я ездил туда по делу. Мне нужно было взять интервью у одного из ученых из Филадельфийской академии, которых там чествовали. До того дня я ни разу не видел ни господина, ни мадемуазель Стейнджерсон. Я сидел в комнате, расположенной по соседству с Посольской гостиной. Утомлен-

ный – меня все время толкали разные высокопоставленные господа, – я задумался, как вдруг почувствовал запах духов Дамы в черном. Вы спросите: что это, мол, за духи Дамы в черном? С вас довольно будет и того, если я скажу, что запах этот мне полюбился с детства: он неразрывно связан с некой дамой, всегда одетой в черное, и ее материнской добротой. На приеме же дама, источавшая запах духов Дамы в черном, была, напротив, одета в белое и удивительно хороша собой. Я не удержался и пошел за нею следом – за нею и за ее ароматом. Она шла под руку с каким-то пожилым мужчиной. Когда они проходили, все оборачивались; до меня донесся шепот: «Это профессор Стейнджерсон с дочерью». Так я узнал, за кем иду. Они повстречались с Робером Дарзаком, которого я знал в лицо. Профессора Стейнджерсона отвел в сторону один из американских ученых – Артур Уильям Ранс, и они уселись в креслах, стоявших в большой галерее, а господин Дарзак увлек мадемуазель Стейнджерсон в оранжерею. Я шел следом. В тот вечер стояла теплая погода, двери в сад были открыты. Мадемуазель Стейнджерсон накинула на плечи легкий шарф, и я услышал, как она просит Дарзака пройти с нею в безлюдный сад. Я продолжал идти следом, заинтересовавшись волнением, которое начал выказывать Робер Дарзак. Пара неторопливо шла вдоль стены, отгораживающей сад от авеню Мариньи. Я двинулся по центральной аллее параллельно своим подопечным, затем пересек лужайку и подошел к ним поближе. Ночь была темна, трава приглушала мои шаги. Они остановились под мерцающим газовым фонарем и, склонив головы над листком бумаги, который держала мадемуазель Стейнджерсон, внимательно что-то читали. Я тоже остановился. Вокруг царила тьма и тишина. Меня они не заметили, и я отчетливо услышал, как мадемуазель Стейнджерсон, складывая листок, повторила: «Дом священника все так же очарователен, а сад все так же свеж». В тоне ее сквозила такая язвительность и вместе с тем такое отчаяние, а последовавший за словами смешок был столь нервным, что фразу эту я не забуду никогда. За ней, однако, последовала и другая фраза, произнесенная Робером Дарзаком: «Неужели мне нужно совершить преступление, чтобы обрести вас?» Господин Дарзак находился в необычайном волнении; он взял руку мадемуазель Стейнджерсон и надолго приник к ней губами; по движению его плеч мне показалось, что он плачет. Наконец он удалился.

В большой галерее, – продолжал Рультабийль, – Робера Дарзака я больше не видел – в следующий раз я встретил его уже в Гландье, после преступления, – но заметил мадемуазель и господина Стейнджерсона вместе с делегатами из Филадельфии. Мадемуазель Стейнджерсон стояла рядом с Артуром Рансом. Он оживленно что-то говорил, глаза его блестели. Думаю, мадемуазель Стейнджерсон вовсе не слушала, что говорил ей американец: лицо ее выражало полнейшее безразличие. Замечу, что Артур Уильям Ранс – багроволицый сангвинический человек и, похоже, питает слабость к джину. Когда господин и мадемуазель Стейнджерсон ушли, он сразу направился к буфету и остался там. Я присоединился к нему и помог протиснуться сквозь толчею. Он поблагодарил и сообщил, что через три дня, то есть двадцать шестого, на следующий день после преступления, возвращается в Америку. Я заговорил с ним о Филадельфии, и он рассказал, что живет там уже двадцать пять лет и именно в этом городе познакомился со знаменитым профессором Стейнджерсоном и его дочерью. Затем он принял за шампанское, и я понял, что конца этому не будет. Когда я его оставил, он был пьян чуть ли не вдрызг.

Вот так, дорогой мой, я и провел вечер. Не знаю уж почему, но господин Дарзак и мадемуазель Стейнджерсон снились мне всю ночь; поэтому можете себе представить, какое впечатление произвела на меня наутро весть о покушении на мадемуазель Стейнджерсон. Как было не вспомнить эти слова: «Неужели мне нужно совершить преступление, чтобы обрести вас?» Но когда мы повстречали Робера Дарзака в Гландье, я сказал ему не эту фразу. Той, что мадемуазель Стейнджерсон прочла на листке и где речь шла о доме священника и свежем саде, оказалось достаточно, чтобы перед нами отворились все двери замка. Думал ли я в те минуты, что Робер Дарзак преступник? Нет, пожалуй, нет. Серьезно я тогда ничего не думал – слыш-

ком мало я знал. Но мне нужно было, чтобы он немедленно доказал мне, что не ранен в руку. Когда мы остались с ним вдвоем, я рассказал ему, что случайно подслушал в саду Елисейского дворца его разговор с мадемуазель Стейнджерсон. Услышав из моих уст свою фразу о преступлении, он растерялся, но гораздо меньше, чем когда услышал о доме священника. Однако по настоящему его потрясло известие, что в тот день, когда он встретился во дворце с мадемуазель Стейнджерсон, она взяла из почтового отделения письмо, которое они вечером читали в саду, – письмо, заканчивавшееся фразой о доме священника. Тогда это было лишь предположение, но позже, когда в лаборатории обнаружились остатки письма с датой – двадцать третье октября, оно, как вы помните, подтвердилось. Письмо было написано и взято с почты в один и тот же день. Нет никаких сомнений, что, вернувшись из Елисейского дворца, мадемуазель Стейнджерсон решила сразу же сжечь этот компрометирующий документ. Напрасно господин Дарзак отрицает, что письмо связано с преступлением. Я ему сказал, что в столь таинственном деле он не имеет права скрывать от правосудия случай с письмом, что лично я убежден в его несомненной важности, что отчаяние, с каким мадемуазель Стейнджерсон произнесла роковую фразу, ее слезы, а также его угроза совершить преступление, последовавшая после того, как он прочел письмо, – все это не позволяет мне сомневаться в этом. Волнение Робера Дарзака все усиливалось. Я решил воспользоваться своим преимуществом. «Вы собирались жениться, сударь, – небрежно заметил я, – и вдруг ваш брак становится невозможным из-за автора письма – ведь, едва прочтя его, вы заговорили о преступлении, которое необходимо совершить, чтобы заполучить мадемуазель Стейнджерсон. Значит, между вами и мадемуазель Стейнджерсон есть кто-то, кто запрещает ей выйти замуж, кто готов даже убить ее – только бы она не вступила в брак! – И я закончил свои рассуждения следующими словами: – А теперь, сударь, вам остается лишь поведать мне имя убийцы!» Я, вероятно, говорил ужасные вещи: подняв взгляд на Дарзака, я увидел искаженное лицо, капли пота на лбу и полные отчаяния глаза. «Сударь, – выдавил он, – быть может, это покажется вам безумством, но я умоляю вас не говорить судейским о том, что вы видели и слышали в саду Елисейского дворца, – ни им, ни кому бы то ни было. Клянусь вам, я невиновен, и я знаю, чувствую, что вы мне верите, но лучше уж пусть они меня подозревают, чем пытаются объяснить эту злополучную фразу. Судейские не должны о ней знать. Передаю это дело в ваши руки, сударь, только забудьте о вечере во дворце. Перед вами есть сотня других путей, которые приведут вас к разоблачению преступника, я открою их вам, я помогу вам! Хотите обосноваться здесь? Распоряжаться? Ночевать и питаться здесь? Наблюдать за моими действиями и за действиями остальных? Вы на время станете хозяином Гландье, только забудьте о вечере во дворце».

Тут Рультабийль остановился, чтобы немного перевести дух. Теперь мне стало понятно необъяснимое отношение Робера Дарзака к моему другу и легкость, с какою тот смог обосноваться на месте преступления. Услышанное лишь разожгло мое любопытство. Я попросил Рультабийля удовлетворить его. Что произошло в Гландье за эту неделю? Разве он не сказал мне, что против Дарзака появились новые улики, не менее серьезные, чем трость, найденная Ларсаном?

– Похоже, все оборачивается против него, – ответил журналист, – положение весьма серьезно. Господина Дарзака это не особенно-то заботит. По-моему, он не прав, что занят лишь здоровьем мадемуазель Стейнджерсон, которая понемногу поправляется, в то время как произошло событие еще более загадочное, чем тайна Желтой комнаты.

– Это невозможно! – воскликнул я. – Что может быть загадочнее тайны Желтой комнаты?

– Вернемся-ка прежде к Роберу Дарзаку, – охладил меня Рультабийль. – Я сказал, что все оборачивается против него. Следы изящной обуви, обнаруженные Фредериком Ларсаном, похоже, принадлежат жениху мадемуазель Стейнджерсон. Отпечатки шин вполне могут быть от его велосипеда – это установлено. С момента приобретения он все время держал этот велосипед в замке. Почему ему вдруг понадобилось его забрать? Он что, не собирался больше

туда возвращаться? Разве разрыв его помолвки обязательно должен повлечь за собою разрыв отношений со Стейнджерсонами? И та и другая сторона утверждают обратное. Так что же? Фредерик Ларсан полагает, что между ними все кончено. Ведь с того дня, как Дарзак ездил с мадемуазель Стейнджерсон в универсальный магазин, в замке он больше не показывался и появился лишь на следующий день после преступления. Не забудьте, что мадемуазель Стейнджерсон потеряла сумочку с ключом в его присутствии. После этого дня и до вечера в Елисейском дворце профессор Сорбонны с нею не виделся. Но возможно, они переписывались. Мадемуазель Стейнджерсон отправилась в почтовое отделение за письмом, которое, по мнению Ларсана, написал ей Робер Дарзак, – ведь Ларсан, не зная о том, что произошло в Елисейском дворце, считает, что сумочку с ключом похитил Дарзак, чтобы сломить волю мадемуазель Стейнджерсон и заставить ее выйти за него в обмен на обещание возратить ценные бумаги ее отца. Все это было бы весьма сомнительно и даже нелепо – так сказал мне сам Большой Фред, если бы не открылось кое-что посерьезнее. Прежде всего странно вот что: двадцать четвертого числа господин Дарзак лично приходил на почту и спрашивал письмо, взятое накануне мадемуазель Стейнджерсон: описание приходившего на почту человека точь-в-точь соответствует приметам Робера Дарзака. Когда же следователь мимоходом спросил его об этом, тот ответил, что на почте не был, и я ему верю. Даже если письмо написано им – чего я не думаю, – нужно признать, что он знал: мадемуазель Стейнджерсон письмо это забрала, поскольку он сам видел его у нее в руках в дворцовом саду. Стало быть, на следующий день на почту за письмом приходил не он. Я считаю, что этот удивительно похожий на Дарзака человек и украл сумочку, а потом в письме потребовал чего-то у мадемуазель Стейнджерсон. Увидев же, что его требование не выполняется, он явился на почту узнать, взяли ли оставленное им письмо. Именно так, по-моему, и можно объяснить его приход на почту и настойчивость, с какою он выспрашивал о письме. Затем он ушел, совершенно разъяренный: письмо забрали, а требование его не выполнено! Что он требовал? Этого не знает никто, кроме мадемуазель Стейнджерсон. На следующий день на нее было совершено покушение, а еще на следующий день я узнаю, что профессора тогда же и обокрали с помощью ключа, о котором шла речь в письме. Из этого я сделал вывод, что человек, приходивший на почту, и убийца – одно и то же лицо; этих вполне логичных рассуждений придерживается и Фредерик Ларсан, только применяя их к Роберу Дарзаку. Вы, разумеется, думаете, что и следователь, и Ларсан, и я сделали все возможное, чтобы поточнее узнать приметы человека, появившегося в почтовом отделении двадцать четвертого октября. Но откуда он пришел и куда ушел, узнать не удалось. Ничего, кроме описания, совпадающего с приметами Робера Дарзака! Во все крупные газеты я поместил объявление: «Солидное вознаграждение извозчику, который двадцать четвертого октября около десяти утра привез пассажира к сороковому почтовому отделению. Обращаться в редакцию «Эпок», спросить Ж.Р.». Все напрасно. В конце концов, этот человек мог прийти и пешком, однако, поскольку он спешил, можно предположить, что ему пришлось воспользоваться экипажем. В своем объявлении я не дал примет человека, чтобы все извозчики, привозившие примерно в это время клиента на почту, явились ко мне. Не пришел ни один. И вот я денно и ночью задаю себе один и тот же вопрос: «Кто этот столь удивительно похожий на Робера Дарзака человек, который к тому же купил трость, попавшую в руки Фредерика Ларсана?» Но хуже всего, что в то время, когда двойник господина Дарзака явился на почту, тот должен был читать лекцию в Сорбонне, но не читал. Его заменил один из его друзей. А когда Дарзака спросили, чем он был занят в этот час, он ответил, что гулял в Булонском лесу. Можете представить себе профессора, который просит прочесть вместо него лекцию, а сам отправляется в Булонский лес? И к тому же, да будет вам известно еще одно, он сообщил, что утром двадцать четвертого гулял в Булонском лесу, но что делал в ночь с двадцать четвертого на двадцать пятое, не говорит. Когда Фредерик Ларсан спросил его об этом, он безмятежно ответил, что это не его дело, и Ларсан поклялся сам докопаться до истины. Все это придает гипотезам Большого Фреда определенное правдоподобие.

бие, тем более что если в Желтой комнате находился Робер Дарзак, это лишь подтверждает предположение полицейского относительно того, как скрылся убийца: господин Стейнджерсон просто выпустил его, чтобы избежать громкого скандала. В этом я с Ларсаном не согласен, он заблуждается, и я буду только рад, если невиновный не пострадает. Но в самом ли деле Ларсан так уж ослеплен этой гипотезой? Вот в чем дело.

– Постойте, мне кажется, Фредерик Ларсан прав, – перебил я Рультабийля. – Вы уверены, что Робер Дарзак невиновен? По-моему, эти досадные совпадения...

– Совпадения – первейшие враги истины, – заметил мой приятель.

– А что думает обо всем этом следователь?

– Следователь господин де Марке не решается обвинить Робера Дарзака без надежных доказательств. Ведь против него восстанет не только общественное мнение, включая Сорбонну, но и господин и мадемуазель Стейнджерсон. Она просто обожает Робера Дарзака. Хотя она видела преступника и мельком, убедить публику, что она не узнала Робера Дарзака – если это был он, – будет трудновато. Конечно, в Желтой комнате было темно, но не забывайте, что ночник все-таки горел. Вот так, друг мой, обстояли дела, когда три дня или скорее три ночи назад произошло небывалое событие, о котором вы сейчас услышите.

Глава 14

«Сегодня вечером я жду убийцу»

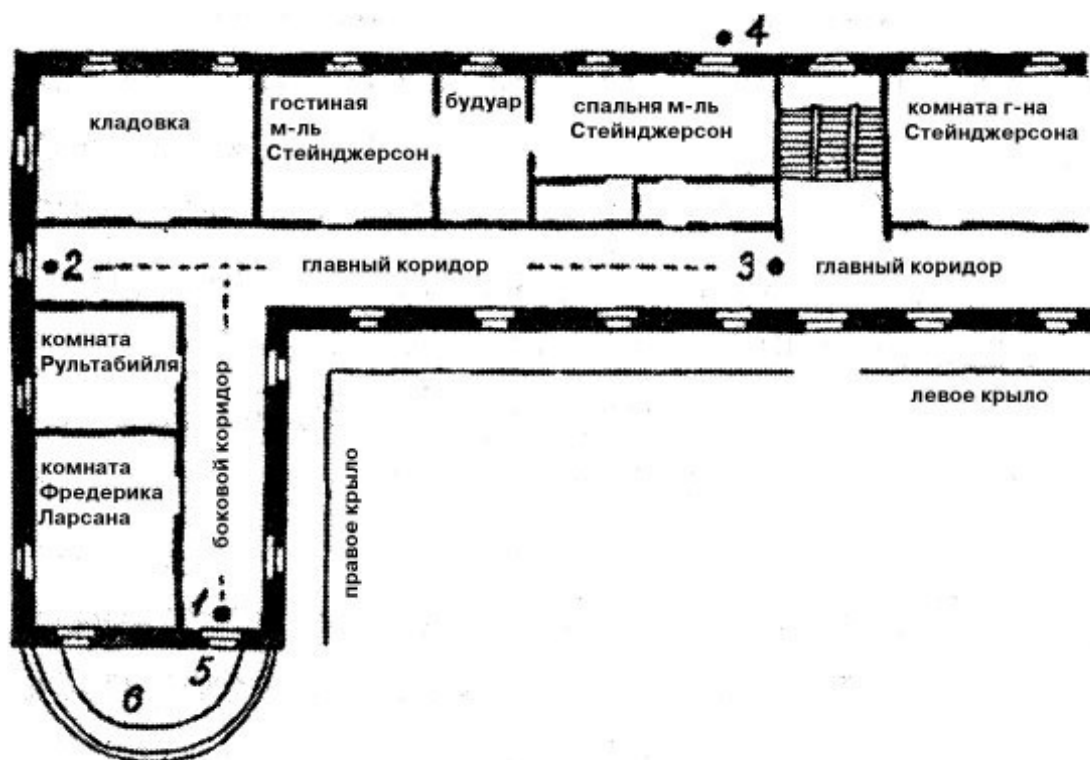
– Нужно отвести вас на место происшествия, – продолжал Рультабийль, – чтобы вы все поняли или, точнее, убедились, что ничего понять невозможно. Мне кажется, я нашел то, что все еще только ищут: способ, каким преступник покинул Желтую комнату – без всяких трудностей и без участия господина Стейнджерсона. Поскольку имени преступника я пока не знаю, то о своем предположении ничего говорить не стану, однако считаю, что оно верно и в любом случае совершенно естественно, то есть весьма незамысловато. Но то, что произошло три ночи назад здесь, в этом замке, в течение суток казалось мне просто непостижимым. Гипотеза же, рождающаяся сейчас в моем мозгу, настолько абсурдна, что я готов пока предпочесть ей мрак необъяснимого.

С этими словами юный репортер предложил мне пройтись с ним вокруг замка. Кругом стояла тишина, и только опавшие листья шуршали у нас под ногами. Я уже говорил, что замок был весьма запущен. Древние камни, стоячая вода во рвах, окружавших донжон, пустынная земля, покрытая останками ушедшего лета, черные силуэты деревьев – все придавало этому печальному месту, над которым нависла зловещая тайна, необычайно унылый вид. Обогнув донжон, мы повстречали человека в зеленом – лесника: он не поздоровался и прошел мимо, словно нас и вовсе не было. Выглядел он точно так же, как в день нашей первой встречи, когда я увидел его в окно трактира папаша Матье: за спиной ружье, в зубах трубка, на носу пенсне.

– Странный субъект! – шепнул Рультабийль.

– Вы с ним разговаривали? – поинтересовался я.

– Пробовал, но из него ничего не вытянешь. Что-то буркнет, пожмет плечами и уходит. Живет он на втором этаже донжона, в просторной комнате, служившей раньше молельней. Страшный нелюдим, без оружия шагу не ступит. Любезен он лишь с барышнями. Под предлогом охоты за браконьерами часто среди ночи уходит из дому, но я-то думаю, что он бежит на свидания.

План второго этажа замка (правое крыло):

1. Место, где Рультабийль поставил Фредерика Ларсана.
  2. Место, где Рультабийль поставил папашу Жака.
  3. Место, где Рультабийль поставил г-на Стейнджерсона.
  4. Окно, через которое Рультабийль проник в спальню м-ль Стейнджерсон.
  5. Окно, которое было открыто, когда Рультабийль вышел из спальни. Он его закрыл.
- Все остальные окна и двери закрыты.
6. Терраса над комнатой в первом этаже.

Горничная мадемуазель Стейнджерсон Сильвия – его любовница. Сейчас лесник влюблен в жену папашы Матье, однако трактирщик держит ее в строгости, и человеку в зеленом никак к ней не подъехать, отчего он еще более угрюм и неразговорчив. Парень он красивый, довольно изящный, следит за собой – все женщины в радиусе четырех лье от него без ума.

Итак, обогнув донжон, которым заканчивается левое крыло, мы оказались позади замка. Указав на одно из окон мадемуазель Стейнджерсон, Рультабийль сказал:

– Если бы два дня назад вы очутились здесь в час ночи, то увидели бы вашего покорного слугу, который, взобравшись на лестницу, пытался проникнуть в замок через это окно.

Я выразил некоторое удивление по поводу его ночных гимнастических упражнений, но он лишь попросил меня обратить внимание на внешний вид замка, после чего мы вернулись назад.

– А теперь, – проговорил мой приятель, – давайте зайдем во второй этаж левого крыла, где я живу.

Чтобы читатель мог лучше представить себе расположение комнат, я помещаю здесь план второго этажа правого крыла, начерченный лично Рультабийлем на следующий день после необыкновенного происшествия, о котором я расскажу во всех подробностях.

Вслед за Рультабийлем я поднялся по просторной парадной лестнице на площадку второго этажа. На этой площадке сходились коридоры правого и левого крыла, шедшие вдоль всего фасада замка; их окна выходили на север. Из коридора был вход в комнаты, окна которых

выходили на юг. Профессор Стейнджерсон жил в левом крыле замка, м-ль Стейнджерсон – в правом. Мы свернули в коридор правого крыла. Толстая ковровая дорожка, тянувшаяся по зеркально натертому паркету, заглушала шаги. Рультабийль шепнул, чтобы я шел поосторожнее – мы проходили мимо спальни м-ль Стейнджерсон. Он объяснил, что она занимает спальню, прихожую, небольшую ванную, будуар и гостиную. Само собой разумеется, все эти комнаты сообщались между собою, а двери в коридор были лишь в гостиной и прихожей. Коридор продолжался до самого конца здания и заканчивался высоким окном (окно 2 на плане) и дальше поворачивал под прямым углом вместе с правым крылом замка.

Для пушей ясности рассказа отрезок коридора от лестницы до западного окна я стану в дальнейшем называть «главным коридором», а его отрезок за поворотом – «боковым коридором». Комната Рультабийля находилась сразу за поворотом, за нею располагалась комната Фредерика Ларсана. Двери этих комнат выходили в боковой коридор, двери же комнат, занимаемых м-ль Стейнджерсон, – в главный (см. план).

Рультабийль толкнул дверь своей комнаты, пропустил меня и заперся на задвижку. Не успел я оглядеться, как он удивленно вскрикнул: на небольшом круглом столике лежало пенсне.

– Что это? – изумился он. – Откуда у меня на столе это пенсне?

По вполне понятным причинам ответить ему я не смог.

– Разве что... – продолжал он, – разве что именно его я и ищу. Тогда оно принадлежит человеку дальнозоркому.

Он буквально набросился на пенсне, принялся поглаживать выпуклые стекла, глядя на меня безумными глазами и повторяя:

– Вот оно как! Вот оно как!

Я на секунду забеспокоился, не сошел ли он с ума, но он встал, положил руку мне на плечо, глуповато ухмыльнулся и проговорил:

– Увидев это пенсне, я чуть было не рехнулся. Видите ли, с логической точки зрения это возможно, но с человеческой – нет, если только...

В дверь тихонько постучали. Рультабийль отворил, и в комнату проскользнула женщина. Я узнал в ней привратницу, которую видел, когда ее вели на допрос в павильон, и удивился, так как думал, что она все еще под замком. Тихим голосом она проговорила:

– В щели паркета.

Рультабийль поблагодарил, и женщина ушла. Аккуратно прикрыв за нею дверь, он повернулся ко мне и угрюмо начал:

– Если это возможно с логической точки зрения, то почему же невозможно с человеческой? А если так, то это потрясюще!

Я прервал монолог Рультабийля:

– Стало быть, привратник с женой уже на свободе?

– Да, – ответил он, – я заставил их выпустить. Мне нужны верные люди. Эта женщина мне очень предана, а привратник готов пойти ради меня на смерть. А поскольку пенсне это от дальнозоркости, мне нужны преданные люди, готовые ради меня на все!

– Да вы шутите, друг мой! Когда же нужно будет идти ради вас на смерть? – поинтересовался я.

– Сегодня вечером! Да будет вам известно, дорогой мой, что сегодня вечером я жду убийцу.

– Вот так так! Ждете убийцу! Сегодня вечером должен прийти убийца... Выходит, вы его знаете?

– Теперь, пожалуй, буду знать. Было бы глупо утверждать категорически, что я его знаю, потому что мои логические рассуждения относительно него дают такой жуткий, такой страш-

ный результат, что мне остается лишь надеяться – быть может, я все-таки ошибаюсь. Ах, как я на это надеюсь!

– Но как же так? Почему, не зная, кто убийца, вы пять минут назад заявили, что ждете его этим вечером?

– Потому что знаю: он должен прийти.

Рультабийль неторопливо набил трубку и так же неторопливо ее раскурил. Это предвещало увлекательный рассказ. В этот миг кто-то прошел по коридору мимо нашей двери. Рультабийль прислушался. Шаги удалились.

– Фредерик Ларсан у себя? – спросил я, указывая на стену.

– Нет, его нету, – отозвался мой приятель. – Сегодня утром он собирался в Париж – все еще идет по следу Дарзака. Господин Дарзак сегодня утром тоже отправился в Париж. Все это кончится весьма печально. Я предполагаю, что Робера Дарзака на этой неделе арестуют! Хуже всего, что все объединилось против него: события, вещи, люди. Не проходит и часа, чтобы против этого несчастного не появилось бы какой-нибудь новой улики. Следовательно растерян и ничего не видит. Впрочем, его слепота мне понятна. Так и должно быть, если только...

– Но Фредерик Ларсан далеко не новичок.

– Я думал, – с несколько презрительной гримасой проговорил Рультабийль, – что Фред гораздо умнее. Разумеется, человек он известный. Я даже восхищался им, пока не узнал его метода, который просто жалок. Высокую репутацию он заслужил только благодаря своей ловкости, но ему не хватает умения рассуждать, да и логика у него хромает.

Я не мог сдержать улыбки, слушая, как этот восемнадцатилетний юнец выставляет мальчишкой пятидесятилетнего человека, доказавшего, что он самый искусный сыщик в Европе.

– Улыбаетесь? – сказал Рультабийль. – И зря. Клянусь, я оставлю его в дураках, да еще в каких! Но мне нужно спешить: благодаря господину Дарзаку он сильно меня опередил, а сегодня вечером, благодаря ему же, опередит еще больше. Только подумайте: всякий раз, как преступник появляется в замке, Робер Дарзак по странному стечению обстоятельств отсутствует и отказывается объяснить, где был.

– Всякий раз, как преступник появляется в замке! – вскричал я. – Значит, он уже приходил?

– Да, в ту самую ночь, когда случилось необъяснимое.

Я понял, что мне предстоит узнать об этом необъяснимом происшествии, на которое Рультабийль намекал вот уже полчаса. Но я научился его не подгонять. Он начинал рассказывать или увлекшись, или когда считал это нужным; ему гораздо больше хотелось нарисовать самому себе ясную картину интересующего его события, нежели удовлетворить мое любопытство.

Наконец быстрыми короткими фразами он поведал мне такое, что я погрузился в состояние, близкое к отупению: в самом деле, такие еще не разгаданные явления, как, например, гипнотизм, ничуть не более необъяснимы, нежели это исчезновение вполне материального преступника в тот момент, когда четверо людей уже почти дотронулись до него. Я говорю о гипнотизме, хотя мог бы говорить и об электричестве, природа которого нам пока неясна и свойства которого мы еще знаем мало, потому что в тот миг я мог объяснить все это лишь необъяснимым, то есть чем-то, что не укладывается в известные нам законы природы. Обладай я умом Рультабийля, у меня, как и у него, появилось бы предчувствие вполне естественного объяснения: ведь самые загадочные тайны замка Гландье он объяснил впоследствии весьма просто. Но кто может похвастаться, что ум у него не слабее, чем у Рультабийля? Таких своеобразных выпуклостей на лбу я не встречал ни у кого, разве что у Фредерика Ларсана, но, чтобы различить эти выпуклости у последнего, нужно было внимательно приглядываться, тогда как у Рультабийля – я позволю себе это довольно смелое выражение – они просто бросались в глаза.

Среди бумаг, которые передал мне после окончания процесса юный журналист, есть тетрадь, содержащая полный отчет об «исчезновении вполне материального преступника», а также соображения моего друга по этому поводу. По-моему, будет лучше, если я ознакомлю вас с содержимым этой тетради, вместо того чтобы продолжать пересказывать свой разговор с Рультабийлем: я боюсь, что, излагая подобную историю, могу сделать это не вполне точно.

Глава 15

Западня (выдержки из тетради Жозефа Рультабийля)

«Вчера, в ночь с 29 на 30 октября, около часа пополудни я проснулся. Что это – бессонница или меня разбудил какой-то шум? В глубине парка замирал вопль Божьей Коровки. Я поднялся и открыл окно. Холодный ветер, дождь, непроницаемая тьма и молчание. Я затворил окно. Вдруг в тишине опять раздался диковинный вопль. Я поспешно оделся. В такую погоду вряд ли кто выпустит кошку из дому; кто же в таком случае подражает мяуканью кошки матушки Молельщицы – ночью, рядом с замком? Я взял увесистую дубинку, единственное оружие, которым располагал, и бесшумно открыл дверь.

Коридор был ярко освещен лампой с отражателем, пламя ее колебалось, словно от сквозняка. Я почувствовал движение воздуха и обернулся. Окно позади меня было открыто – то самое окно, что расположено в конце коридора, куда выходят наши с Фредериком Ларсаном комнаты; я назвал этот коридор боковым, чтобы отличать его от главного коридора, куда выходят комнаты м-ль Стейнджерсон. Кто же оставил окно открытым или только что его открыл? Я подошел и выглянул наружу. Внизу, примерно в метре под окном, располагался балкон, служивший одновременно крышей небольшой комнаты, помещавшейся в выступе первого этажа. При необходимости можно соскочить из окна на этот балкон, а оттуда спуститься во двор замка. Тому, кто последует таким путем, ключ от входных дверей, естественно, не нужен. Но почему я подумал об этих ночных эскападах? Из-за того, что окно открыто? Это вполне могло случиться по недосмотру прислуги. Я закрыл его, улыбаясь тому, с какой легкостью мне удастся выдумывать всякие драмы из-за какого-то открытого окна. Снова послышался вопль Божьей Коровки, потом – тишина: дождь перестал барабанить по стеклам. Замок спал. С бесконечными предосторожностями двинулся я по ковровой дорожке коридора. Добравшись до главного коридора, я осторожно выглянул из-за угла. Другая лампа ярко освещала весь коридор, стоявшие в нем три кресла и несколько картин на стенах. Что я тут делаю? Никогда еще в замке не было так спокойно. Все отдыхают. Что за инстинкт толкает меня к дверям м-ль Стейнджерсон? Почему меня тянет к ее комнатам? Почему внутренний голос приказывает: «Подойди к спальне мадемуазель Стейнджерсон»? Я опустил взгляд на ковер и увидел: к двери м-ль Стейнджерсон тянется цепочка следов. Да, на дорожке ясно видны грязные следы, и – о ужас! – я узнаю в них «изящные следы», следы преступника! В эту ужасную ночь он проник в замок. Ведь если можно спуститься из окна на балкон, а потом на землю, то тем же путем можно и подняться.

Убийца здесь, в замке, – обратных следов нет. Он влез в открытое окно в конце бокового коридора, прошел мимо комнаты Фредерика Ларсана, моей, повернул направо, в главный коридор, и вошел в комнату м-ль Стейнджерсон. Я подкрался к двери прихожей м-ль Стейнджерсон: она была приоткрыта, и я бесшумно ее толкнул. Проскользнув в прихожую, я увидел под дверью спальни полоску света. Прислушался: ничего! Не было слышно никакого шума, даже звука дыхания. Ах, знать бы, что происходит в этой тишине и кто там, за дверью! Я попытался заглянуть в замочную скважину и понял, что изнутри вставлен ключ. Подумать только, ведь там может находиться убийца! Он явно там! Неужто он ускользнет и на этот раз? Все зависит от меня. Хладнокровие и, главное, ни одного неверного шага. Необходимо заглянуть в спальню. А если пройти туда через гостиную м-ль Стейнджерсон? Но для этого нужно пройти через будуар, а убийца в этом случае сможет скрыться через дверь, перед которой я стою!

Я полагал, что сегодняшним вечером никакого преступления совершено еще не было, иначе тишина в будуаре представлялась необъяснимой: до полного выздоровления м-ль Стейнджерсон там постоянно находились две сиделки.

Но если я почти уверен, что убийца там, то почему бы не поднять тревогу? Возможно, он и убежит, но тем самым я, быть может, сохраню жизнь м-ль Стейнджерсон? А вдруг это вовсе не убийца? Кто-то отпер дверь, чтобы впустить этого человека, а потом снова ее запер – но кто? Этой ночью человек вошел в спальню, которая явно была заперта, так как м-ль Стейнджерсон каждый вечер запирается вместе с сиделками у себя в комнатах. Кто же повернул ключ в замке? Сиделки? Две верные служанки – старуха горничная и дочь ее Сильвия? Вряд ли. К тому же они спят в будуаре, а м-ль Стейнджерсон, как сообщил мне Робер Дарзак, с тех пор как стала в состоянии сделать несколько шагов, сама весьма осмотрительно печется о своей безопасности, хотя из комнат еще не выходит. Это ее внезапное беспокойство и осмоторительность, поразившие г-на Дарзака, дают мне пищу для размышлений. После преступления в Желтой комнате нет никакого сомнения в том, что несчастная поджидала убийцу. Так, может, и сегодня вечером? Но кто же отпер убийце дверь и кто там, за этой дверью? Неужели сама м-ль Стейнджерсон? Ведь раз она чего-то опасается, то, вполне вероятно, именно прихода убийцы, и тем не менее у нее есть причины отпереть ему, она вынуждена это сделать! Что за страшное свидание происходит за дверью? Преступное? Уж, во всяком случае, не любовное – м-ль Стейнджерсон обожает Робера Дарзака, я это знаю. Все эти мысли проносились у меня в голове, словно вспышки молний в крошечной тьме. Ах, если бы знать!..

Раз за дверью царит молчание, значит, в нем нуждаются. Вдруг мое вмешательство лишь навредит? Как знать? Кто поручится, что оно не послужит причиной преступления? Ах, если бы увидеть и узнать, не нарушив этого молчания!

Я вышел из прихожей, направился к центральной лестнице и спустился в вестибюль. Затем, стараясь не шуметь, подбежал к комнатухе на первом этаже, где после покушения в павильоне ночевал папаша Жак.

Он был одет, широко раскрытые глаза его блуждали. Совершенно не удивившись моему появлению, он сказал, что проснулся от вопля Божьей Коровки и услышал под окном, в парке, чьи-то шаги. Старик выглянул и увидел «черный призрак». Я поинтересовался, есть ли у него оружие. Он ответил, что нет – с тех пор как следователь забрал у него револьвер. Я увлек его за собой. Через маленькую заднюю дверь мы вышли в парк и, пройдя вдоль замка, оказались под окном спальни м-ль Стейнджерсон. Приказав ему прислониться к стене и не двигаться, я, пользуясь тем, что в этот миг луна скрылась за облаком, стал против окна, но за пределами падавшего из него на землю квадрата света. Окно было приоткрыто. Почему? Как мера предосторожности? Чтобы успеть выскочить из него, если кто-то откроет дверь? Да, но если выпрыгнуть из этого окна, нетрудно и шею сломать! А кто сказал, что у преступника нет веревки? Он должен был все предусмотреть. Ах, знать бы, что происходит в спальне! Понять, почему так тихо! Я вернулся к папаше Жаку и шепнул ему на ухо:

– Лестницу!

Правда, вначале я подумал было о дереве, которое неделю назад уже послужило мне наблюдательным пунктом, но тут же сообразил, что на этот раз окно приоткрыто таким образом, что с дерева мне ничего не удастся увидеть. К тому же я хотел не только видеть, но слышать и действовать.

Взволнованный до дрожи папаша Жак скрылся, но скоро вернулся без лестницы и жестом подозвал меня. Я подбежал, и он прошептал:

– Пойдемте!

Когда мы обошли замок со стороны донжона, он сказал:

– Я пошел за лестницей в нижний зал донжона, где мы с садовником держим всякую всячину. Дверь в донжон была открыта, лестница – поминай как звали. А когда я вышел, светила луна, и смотрите, что я увидал!

На другом конце замка к балкону, под окном, которое я нашел открытым, была приставлена лестница. Увидеть чуть раньше ее из окна мне помешал балкон. С помощью этой лест-

ницы ничего не стоило проникнуть в боковой коридор второго этажа; неизвестный, безусловно, так и поступил.

Мы подбежали к лестнице, но, когда уже собрались ее взять, папаша Жак указал мне на открытые двери маленькой комнатки на первом этаже, расположенной под балконом, о котором я уже упоминал. Он заглянул внутрь и прошептал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.